

ВИКТОР ТОЧИНОВ

СЕРГЕЙ БОДУНОВ

ЛЯСТЬ

Пастъ

Виктор Точинов

Пастъ

«Точинов Виктор»

2003

Точинов В. П.

Пасть / В. П. Точинов — «Точинов Виктор», 2003 — (Пасть)

...Оборотень. Сказка. Легенда...Сказка ли? Легенда ли?!Снова и снова пропадают в деревнях и дачных поселках люди. Снова и снова находят потом в лесу растерзанные тела. Попусту ищут Зверя отряды опытных загонщиков. Не берет его самое современное оружие.....Оборотень. Не сказка, не легенда – кошмар, внезапно ставший явью.Кто посмотрит в глаза Смерти?Кто зарядит старое охотничье ружье освященной серебряной пулей – и выйдет на охоту за ОХОТНИКОМ?!

© Точинов В. П., 2003

© Точинов Виктор, 2003

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Место действия	10
Глава I	11
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	21
Глава V	26
Глава VI	30
Глава VII	33
Глава VIII	36
Глава IX	39
Глава X	43
Часть вторая	46
Глава I	46
Глава II	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор ТОЧИНОВ

ПАСТЬ

*Автор до сих пор
не определился с названием:
глагол это или существительное?*

Пролог

От закопченного капонира ударила очередь. Длинная, во весь магазин. Неприцельная, в никуда. Они не обратили внимания. Буратино, наш носатый друг, работает без осечек. Это там просто почерневший труп с выжженными глазами пытается кому-то и зачем-то доказать – что еще жив.

Руслан, впрочем, повернул туда драгуновку – но на том все и закончилось, труп угомонился. Капитан даже не обернулся, потому что Марченко снова вышел на связь.

– Ты меня слышишь, Капитан? Еще одна попытка штурма – и мы открываем клетки. Ты понял? **МЫ ОТКРЫВАЕМ КЛЕТКИ!** А потом идем на прорыв.

Блефует. На испуг берет херр профессор. Клетки дистанционно не откроешь, с кодовыми замками надо возиться вручную. Ну-ну, и сколько вас после этого останется для прорыва? Сейчас там стволов десять, не больше... А объекты далеко не уйдут, не пугайте. Весь блок выстроен с таким расчетом – чтоб не ушли. Крепость, укрепления которой обращены внутрь. Но Марченко проговорился. Он не знает про группу Гнома. Не знает про туннель. Ничего не подозревает. Иначе они пошли бы на прорыв сейчас. Именно сейчас, когда наверху осталось восемь человек, включая нас с Русланом. При таком периметре – прорвутся не напрягаясь. Другое дело – далеко не уйдут. Но надо болтать, надо тянуть время...

– Послушайте, Марченко, – говорит он спокойно и доброжелательно. – Давайте не будем принимать поспешные решения. Потому что жалеть о них не придется никому – ни вам, ни нам... Некому будет жалеть. Давайте искать компромисс...

Словно в ответ на слова о компромиссе слева, от котельной, – несколько коротких очередей. Все-таки прорыв?! Нет, затихло... Просто нервы. Натянуты как струны – и у них, и у нас... Капитан продолжает:

– Давайте договариваться... Всегда можно найти решение. Подумайте, Марченко. Поговорите с людьми. Так ли они хотят умирать?

Называя собеседника по фамилии, Капитан нарушал все инструкции. Псевдоним, всегда только псевдоним... Но сейчас это не важно, сейчас главное – как можно больше слов...

Марченко жестко рубит фразы:

– Вы знаете наши условия. Представителей власти сюда. Не меньше трех депутатов. Известных мне в лицо. Журналистов с камерами. Мы покажем все – и сдадимся. Не раньше и не позже.

Гадина... Будут тебе журналисты, будут камеры... Если бы не ты – эти тупые лбы вовек бы не догадались, что их ждет после закрытия Полигона... Черт возьми, почему молчит Гном?

Группа Гнома под землей. Девятнадцать человек. Перед ними препятствие – круглый, во всю трубу, металлический люк. Двести пятьдесят миллиметров броневой стали. Шипят два резака. Взорвать – быстрее, но люк ставили знатоки своего дела, предусмотревшие все. Они сами и ставили. Во все стороны от люка на три метра – такой же толщины броневая плита. Труба тонкая, вокруг – пливун, чуть схваченный мерзлотой. А ни один направленный взрыв

все сто процентов энергии в одну сторону не пошлет. Туннель просто исчезнет, а люк будет стоять. Заряды – два длинных, похожих на гробы ящика – для другого.

Они предусмотрели все. Кроме того, что придется штурмовать собственную цитадель. Хорошо одно – этот ход неизвестен съехавшему Профессору и его живорезам. Никак не должен быть известен...

Резаки шипят. Группа растянулась по туннелю. Диаметр – метр шестьдесят. Не разгуляешься. Не для прогулок прокладывали – для ухода в самом крайнем случае. Случай пришел, но приходится – входить.

Гном протискивается к люку – невысокий, широченный в плечах. Квадратный. Фонарь держит в далеко отставленной левой руке – ввевшаяся привычка. Будут стрелять на свет – пули пойдут мимо. Резаки шипят. Режут не по кругу – овалом, только пройти самим и протащить заряды. И все равно – медленно, очень медленно... Белые пятна-кометы с остывающими красными хвостами еще не начали сближаться – ползут в стороны, к стенам туннеля. Хотя стен нет, потолка и пола тоже – труба.

Гном берет микрофон. Труба экранирует, передатчик в полутора километрах, на выходе из туннеля. Или на входе – это откуда смотреть. Туда змеится провод.

– Капитан, здесь Гном. Еще час. Как понял? Еще час! Тяни время, Капитан!

Капитан тянет время.

– Поймите, Марченко, я не могу решать такие вопросы. И не могу послать вертолет в Москву за депутатами... Я могу только гарантировать вам жизнь. Всем вам. Чистые загранпаспорта и десять тысяч подъемных на каждого. Не рублей. Деньги и документы готовы. Здесь готовы. С вас даже никто не возьмет никаких подписок. Вы можете рассказывать любые сказки. Кому угодно и где угодно – кто вам поверит? Так или иначе, но Полигона больше не будет. Вы не опасны, Марченко... Сдавайтесь. Вам гарантируют жизнь.

Или ему показалось, или в голосе Марченко что-то дрогнуло:

– Ты лжешь, Капитан! Вы наобещаете нам что угодно, а живым не уйдет никто...

Ага. Да ты, гнида, не хочешь умирать. Вот такие гниды меньше всех хотят умирать. Тебе очень хочется, чтоб тебя переубедили, чтоб дали гарантии... Хорошо быть идеалистом и радеть за всех – пока костлявая не взяла за горло. Может, мыслями ты и сейчас радеешь, а нутро твоё дрожит, нутро подыхать не хочет...

– Какие вам нужны гарантии, Марченко? Деньги и документы здесь. Вы можете послать одного из своих – пусть посмотрит и вернется...

Марченко не верит. Хочет, очень хочет поверить – и не может.

– Нет, Капитан. В эти игры играй с другими. Наши условия прежние: депутаты и журналисты. На замках клеток мы установили дистанционные заряды. И если ты затеваешь какую-нибудь пакость...

Заряды он установил... Сказочник... Да он детскую петарду из спичечных головок не установит, козел... И его полудурки тоже ловчее управляются со скальпелями, тряхомуды высоколобые... Как только прорвемся в центральный блок, будет им вивисекция... Во всех подробностях. Неторопливо. Со вкусом...

Но сказал проникновенно и мягко:

– Генерал в курсе всех ваших требований... И не только он. Вы понимаете? Все решается не здесь и не нами. Но давайте будем реалистами, Марченко... Никто так сразу никаких депутатов сюда не потащит... Сначала прилетят генералы. Попробуйте договориться с ними. Вертолеты подлетят через два часа, не раньше...

Хреновый из него переговорщик, что и говорить... Но других нет и не будет. Не будет вертолетов с большими шишками в погонах. Незачем им знать про Полигон. Вместо них над лесотундрой зайдут на атаку «крокодилы» – если группа Гнома не закончит все раньше. Бог знает, по какой срочно слепленной легенде Генерал выцарапал и перегнал сюда вертолеты огне-

вой поддержки и какое задание поставлено экипажам... Но это и не важно. Ми-24 – на самый крайний случай. Если Гном... Но что там у него, черт возьми...

Время шло.

Резаки замолкли. Шов медленно остывает. Группа готова к броску. Гном дает последние указания:

– Если в подвале никого – ставим заряды под клетками, таймеры на двадцать минут – и уходим. Но это едва ли. Если кто есть – кладем их и поднимаемся. ПББСы¹ у всех поставлены? После подвала – сами знаете, кому куда. Главное – клетки. Первым делом держим клетки. К ним не должен прорваться никто.

Гном не говорит, что будет, если кто-то из осажденных прорвется и вскрыет замки. Не маленькие, сами понимают. Будет плохо. Тем более плохо, что спецпаронов у них нет, все спецпатроны остались в мятежном блоке. А обычные ничем не помогут. Ничем и никому.

Молчат, вопросов не задают. Все и так известно. Но командир перед началом должен еще раз повторить задачу – неписаный закон. Гном продолжает:

– Пленные не нужны – гасить всех. Вопросы есть? Сзади, из темноты, коротко и деловито:

– И Профессора?

– Всех – значит всех. И Профессора...

Гном проходит от люка назад, где восемь человек ухватились за ручки тяжелых зарядов. По пути всматривается в лица. Там, впереди, наверху, кроме прочих – шестеро парней из внутренней охраны. Свои ребята. Еще вчера – свои... Но все в порядке, на лицах никаких сомнений – наверху враги. Наверху – трупы. Не знающие, что тут затаилась их смерть, готовая к прыжку.

Он становится у второго заряда. Его место здесь. Командир впереди на лихом коне – лишь в фильме про Чапаева. Последний взгляд на прозрачный щиток, врезанный в крышку заряда. Под ним – тумблер и круглая ручка таймера. Полный оборот – двадцать минут. Повернуть полностью, дернуть тумблер – и у них двадцать минут, чтобы уйти как можно дальше. Половина оборота – десять минут. Четверть – пять.

Гном бросает в микрофон два коротких слова и говорит ставшую ритуальной фразу:

– Ну что, волчата? Никто не планирует жить вечно? Гулливер, давай!

Гулливер, согнувшись едва не втрое, отводит для удара ботинок сорок седьмого размера. Люк чуть-чуть просел – как раз на толщину шва. Шов хитрый, прилагать чрезмерных усилий не надо – двухтонная овальная громадина замерла в неустойчивом равновесии. Сейчас будет немного шумно. Бронеплита рухнет с грохотом, и дальше счет пойдет на секунды и терции...

Гулливер мощно вдохнул и...

Крохотная клипса в ухе ожила. Голос Гнома:

– Капитан, начинаем!

Ну вот и все. Конец переговорам. Но разговор не окончен. Надо отвлечь Профессора и тех, кто рядом с ним, отвлечь в последний раз. И он сказал первое пришедшее в голову:

– Марченко! Срочное сообщение! К нам вылетела комиссия, два часа назад. Смешанная – Минобороны и Академия наук. Можете...

Капитан осекся – из клипсы донеслись звуки, заставившие замолчать и схватиться за рукоять пистолета. Единственного у них пистолета, заряженного особыми пулями.

...и люк не выпал с адским грохотом. Люк выпал почти бесшумно – так, с легким скрежетом. Потому что он ввалился внутрь – прямо на Гулливера. Даже не ввалился – был с силой выдавлен, стремительно вылетел... И дальше все пошло очень быстро.

¹ ПББС – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы. Порой весьма полезная штука.

Гулливер не успевает ни отпрыгнуть, ни даже крикнуть; короткий хрип, мягкий хруст – все кончено. Никто не ужасается, никто не спешит на помощь – потому что вместе к плитой к ним вваливается и кое-что другое...

Черная косматая тень выстреливает из мрака живым снарядом – передовая тройка опрокинута, смята – но пытается подняться только один – безуспешно, булькая рассеченным горлом. Тень уже среди них, в самой середине – стрелять нельзя, кругом свои – и они не стреляют, но только в первые секунды, обошедшиеся слишком дорого. Крики, стоны, хрипы. Короткий рык. Первая очередь – серия негромких хлопков. Потом – со всех сторон – те, кто еще жив. Туннель кишит свинцом. Пули рвут спертый воздух, рикошетируют от стен. Пули убивают своих. Фонари брошены, фонари хрустят под ногами – света все меньше. Тень мечется окровавленной молнией. И фоном – чей-то долгий крик – высокий, однотонный, пронзительный. Стрельба гаснет – магазины пустеют, менять некогда. И почти уже некому...

Гном бросает бесполезный автомат – тень не боится пуль. Кровь на глазах – лоб прободило рикошетом. У него есть секунда, много – две. К заряду! Щиток – четыре винта по углам, плексиглас полтора сантиметра. За спиной все заканчивается – слишком быстро. Гном бьет. Один удар, повторять некогда – кулак расплюснут, под лопнувшей кожей – месиво. Но щитка больше нет. И тут же – убийственная хватка сзади, дикая боль в шейных мышцах сжимается, позвонки хрустят. Он падает вперед, на заряд, пальцы здоровой руки – запредельным усилием – на рычажок тумблера. Дернуть сил нет. Все быстро меркнет.

Потом, когда Гнома безжалостно и стремительно рвануло назад, пальцы разжались – но через долю секунды. Рычажок замер вертикально – и медленно скользнул в другое положение. Всего рванувшегося наружу света и пламени уже не хватило, чтобы рассеять поглотившую Гнома тьму...

Два звена «крокодилов» уходили на запад, к Ижме. Центральный блок корчился в агонии. Что могло гореть – горело. Что не могло – превращалось в ничто в белом термитном пламени. Ближе не подойти, стояли в отдалении, пальцы на спуске – на всякий случай. Если вдруг рванется из огненного ада охваченная пламенем стремительная фигура. Не рванулась – вертолетчики сработали чисто.

Конечно, кануло и то, что надлежало демонтировать и вывезти... Но снявши голову... В нескольких шагах от Капитана тлела пачка машинописных листов, прошитых толстой суровой нитью, – не иначе выбросило волной при первом заходе, когда ракеты «воздух-земля» вскрывали бетонные стены блока, прогрызая путь к главной цели. К клеткам.

Подожел, загасил, поднял – от штампа на титульном листе остался лишь край синей рамки и буквы ...НО. Секретно. А то и совсекретно. Фамилии авторов уцелели; Марченко и Чернорецкий. Посмертный труд Профессора... Сунул за пазуху – негоже секретным документам валяться где попало...

У останков блока делать нечего. Капитан медленно пошел туда, где полтора часа назад земля вспучилась и опала гигантским нарывом, – над туннелем. Над люком. Над группой Гнома.

В двухстах метрах – воронка, вокруг – желтоватый глинистый вал. Там не уцелел никто. Даже теоретически никто не мог спастись при взрыве в такой трубе. Это все равно что выжить, сидя в пушке главного калибра линкора при выстреле.

Капитан снимает сферу, короткие волосы слиплись от пота. Дорого им обошелся сумасбродный дурак Марченко...

Вдруг – боковым зрением – какое-то движение. Развернулся прыжком – на склоне земля шевелится, слегка бугрится, осыпается желтый суглинок. Словно на поверхность пытается выбраться растревоженный взрывом крот... Крот?

Лапа. Окровавленная лапа с пятью длинными, хищно загнутыми пальцами – слишком длинными для любого зверя. Капитан ошалело смотрит, как слепо скребут землю острые когти... Но рука знает свое дело, рука ныряет за пистолетом сама, не дожидаясь команды мозга.

Пули буравят землю – вглубь, туда, где кошмарный хозяин кошмарной лапы. Мерзлый суглинок разлетается в стороны, и в какой-то момент Капитан понимает, что перед ним лишь оторванная кисть – белеют обломки кости, обрывок мышцы судорожно сокращается... Приставляет дуло почти вплотную и тремя последними патронами разносит страшноватую находку. Потом старательно вдавливая каблуком в грязь подергивающиеся ошметки. Отходит задом, не отрывая взгляда от воронки, – но там тихо. На этот раз все закончилось. На этот раз...

Задание выполнено, можно докладывать Генералу.

Полигона больше нет.

Здесь – больше нет.

Часть первая

ВЕСНА. ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ЛИКАНТРОПИИ

Место действия

Издавна невезучей деревней было Редкое Кузьмино. Старинной и невезучей.

Вроде рядом, пешком дойти – и Санкт-Петербург, и Царское Село, и тракты на Ригу, Варшаву, Киев, – но только рядом. А Кузьмино – в стороне. На отшибе. Двадцать верст от столицы – провинция. Глушь. Дыра. Безвестность...

Судьба редкокузьминцев не баловала. И если попадали они на страницы истории – повод тому бывал самый гнусный...

Например: в октябре семнадцатого схватились у деревни мятежные казаки Краснова-Керенского с усмирявшими их балтийскими матросами. Или если глянуть по-другому – мятежные матросы с усмирявшими казаками.

В исторические книги за этот факт Редкое Кузьмино хоть одной строчкой, да попало. Ценою славы оказались выметенные под ноль припасы да подпаленные амбары с сараями...

А в Великую Отечественную – и того хуже. Так уж остановился под Ленинградом фронт, что передовая прошла по Редкому Кузьмину, – и простоял всю блокаду.

Деревни не стало. Что не сожгли снаряды и бомбы – раскатали немцы на перекрытия блиндажей и землянок; жителей, понятно, из фронтовой полосы угнали на работы в Германию.

Мало кто сумел вернуться и восстановить родное пепелище. Вся деревня стала – четыре жилых дома. И Редкое Кузьмино ликвидировали, зачеркнули на карте, превратили в одноименную улицу соседнего поселка – Александровской.

Странная это была улица. Когда заканчивались последние участки, надо было долго идти совхозными полями до четырех утонувших в зелени домиков. Хуторок в степи, да и только.

Даже письма не доходили – почтальоны и не знали такого адреса. А может, ленились месить грязь в такую даль по весенней или осенней распутице.

Новая жизнь пришла недавно.

Загрохотала строительная техника. Полезли вверх, как поганки после дождя, двух – и трехэтажные виллы. Четыре домика-старожила выглядели на их фоне бомжами, не пойми как затесавшимися на великосветский раут.

Новые времена.

Новые дома.

Новые люди.

Лишь несчастливая аура Редкого Кузьмина осталась прежней.

Глава I

Откуда женщина пришла в поселок, никто не заметил.

Откуда-то издалека – шагала через раскисшие поля не то из Шушар, не то с Киевского шоссе.

Самого факта прихода тоже не увидели – жильцов в новеньких коттеджах и виллах в этот будний день не было – весна, не сезон.

Да и не все дома достроены, на двух или трех копошились бригады рабочих. Но они не обратили внимания на одинокую прохожую – на явившуюся с ревизией хозяйку она не походила.

Женщина брела по улице медленно, устало переставляя ноги в заляпанных грязью сапогах. Обходила самые глубокие лужи и внимательно приглядывалась к табличкам с номерами.

Миновав несколько участков, женщина остановилась. Красно-кирпичный особнячок, украшенный декоративной угловой башенкой, мало отличался от соседних домов. Но она шла именно сюда.

Двухметровый глухой забор казался непреодолимой преградой. Но фортеция была недостроена – гостя прошла между двумя столбиками-опорами, беспрепятственно оказавшись на частной территории. Опасливо осмотрелась – нигде ни движения. И ни звука.

Двери ее не заинтересовали, она аккуратно обходила особняк вдоль высокого фундамента, бросая вокруг настороженные взгляды.

За домом земля не возделана: трава, бурьян – попавший внутрь забора кусок поля. На границе с соседним участком – поблескивающий серым зеркалом воды пруд. Рубеж между участками весьма условный – низенькая, не доходящая до колена изгородь; похоже, отношения между соседями достаточно теплые...

Того, что женщина искала, не было. Она еще раз огляделась, напряженно и вместе с тем беспомощно; увидела – и тонкие губы растянулись в усмешке. В неприятной усмешке.

Это оказался не колодец, как она надеялась. У фундамента – невысокое сооружение, маленькая кирпичная тумба. Она подняла оцинкованную крышку и заглянула вниз – так и есть, толстая труба водяной скважины, а шланг и провод, надо думать, идут к погружному насосу. Пальцы вцепились в холодную резину шланга, тянули и одновременно вращали – не успевший прикипеть патрубок соскочил неожиданно легко, тоненькая струйка не слитой воды полилась из трубы на землю и тут же иссякла.

Женщина выпрямилась и какое-то время стояла неподвижно; губы беззвучно шевелились.

Она достала из поношенной сумочки странный предмет – стальной цилиндр сантиметров двадцати в длину, с плотно, на мелкой резьбе, завинченной стальной же крышкой. На боку цилиндра – желто-красная эмблема. Знающий человек сразу сказал бы, что этот знак читается как «Биологическая опасность!» и держаться от него стоит подальше. Но и знающих людей, и даже полных невежд поблизости не было.

Крышку она отвинтила осторожными, но уверенными движениями, свидетельствующими об опыте в таких делах. Извлекла из цилиндра большую запаянную ампулу, обернутую в мягкий уплотнитель. Аккуратно вложила ее в черный зев шланга и стала надевать обратно на трубу – руки женщины действовали с филигранной точностью, как у минера, развинчивающего мину неизвестной конструкции.

Восстановив статус-кво, она постояла пару минут, оглядывая дорогу с прилегающими участками, снова беззвучно что-то прошептала и изо всех сил, двумя руками, стиснула резину шланга.

Лицо стало страшным – как у матери, душащей голыми руками укусившую ребенка гадюку. Слабый звук ломающегося стекла она не услышала – почувствовала сквозь слой резины, как хрустнула и сплющилась ампула, – и тут же сделала шаг назад, потом второй, развернулась и быстро, не оглядываясь, пошла прочь...

Куда ушла женщина из поселка, тоже не видел никто. Сутулящаяся фигурка, медленно уменьшаясь, исчезла вдаль – может, двинулась через раскисшие поля к Киевскому шоссе, а может быть, свернула к Шушарам...

– Смотри-ка, права была мама! Закончили дорогу, джип теперь не нужен... – удовлетворенно констатировал Колыванов, когда они свернули с шоссе и новенький асфальт зашелестел под колесами.

Саша молча кивнул.

Он сидел на переднем сиденье, прижимая к груди компакт-удочку (подарок отчима на недавнее одиннадцатилетие). Импортной чудо-снасти предстояло показать в эти выходные свою воспетую рекламой уловистость в поединке с кузьминскими карасями. И Саша предвкушал поражение привыкших к грубым деревенским снастям карасей – поражение с самым разгромным счетом.

Колыванов не стал втягивать пасынка в разговор.

Все четыре года отношения с ним он выстраивал осторожно и медленно. И добился в конце концов своего: от резкого неприятия – через признание неизбежным злом – Саша пришел к уважению, и к пониманию, что матери этот человек необходим и дорог... Обладая жестким характером, с пасынком Колыванов постоянно держал себя в руках, опасаясь нарушить раз и навсегда хрупкое равновесие...

...Подъезжая к дому, Колыванов, как и всегда, испытал странное чувство – сродни отцовскому.

Своих детей у него не было и сначала любимым детищем была фирма – организуя и раскручивая бизнес, сбивался с ног и недосыпал, не знал, что такое отпуска и воскресный отдых – совсем как любящий родитель у колыбели долгожданного первенца. Сейчас, когда дело наладилось, потеряло прелесть новизны и превратилось в рутину, любимым увлечением Колыванова стало обустройство загородного дома. Конечно, была еще Катя, но...

Но Катя не была в его жизни увлечением, она была самой жизнью, по крайней мере большей и лучшей ее частью...

Притормозив у ворот, Колыванов бросил взгляд вправо: Горянин, похоже, пока не приехал – говорил, что под конец недели накопилась куча дел в городе... Их коттеджи, разделенные небольшим прудом, строились по одному проекту и, развернутые декоративными башенками друг к другу, казались зеркальными отражениями.

Давно, лет двенадцать назад, два иногородних студента, Миша Колыванов и Денис Горянин, жили в одной комнате общежития и мечтали сделать карьеру не инженеров-программистов, а удачливых бизнесменов.

И сделали – Горянин бросил учебу на четвертом курсе, Колыванов дотянул до диплома, вовсю уже занимаясь ларечно-кооперативной коммерцией.

Первое время плечом к плечу шагали тернистым путем зарождающегося капитализма, затем пути их разошлись, хотя из виду друг друга не теряли и дружбу сохранили. Воротилами и олигархами не стали, но оба твердо стояли на ногах, сами относя себя к среднему классу (хотя грезящие реквизициями и раскулачиваниями сограждане наверняка считали их богатыми буржуями-кровопийцами).

Год назад друзья приобрели два недостроенных коттеджа в Александровской, в элитной пригородной зоне – после дефолта дешевого недостроя продавалось много... И Колыванов успел полюбить это место.

...Они разгрузили сумки с вещами, Колыванов загнал машину в гараж.

Саша, с прошлой осени на даче не бывавший, побежал к пруду – проверить, как перезимовали его ненаглядные карасики. А Колыванов, не появлявшийся в Александровской три недели, отпер дверь и заглянул внутрь с легкой тревогой: все ли в порядке?

На вид все так и было – в порядке.

– Виктор Эльдарович?! Ну в чем я виновата? В том, что это обнаружила? По счету ведь все сходилось и могло сходиться долго... – глаза Аллочка быстро наполнялись слезами.

В голубом костюме биологической защиты, с коробкой дыхательного аппарата на боку, она немного напоминала инопланетянку из малобюджетного фантастического сериала – весьма симпатичную, надо сказать, инопланетянку.

Как и все лаборантки, Алла была влюблена в Виктора Эльдаровича. Высокий, стройный, с интеллигентным и мужественным лицом, он в сорок семь лет (в которых признавался) или в пятьдесят три (столько стояло в паспорте) действовал своей роскошной шевелюрой с легкой проседью на девушек Лаборатории без осечек.

Но сейчас Аллочка смотрела на него с удивлением, переходящим в страх – Виктор Эльдарович был не похож сам на себя. Лицо исказилось так, будто от этой единственной пропавшей ампулы зависели все его планы на жизнь и карьеру.

Аллочка ничего не понимала, но безумный взгляд Виктора Эльдаровича подействовал на нее заражающе – поднималась паника, объяснения превратились в бессвязный лепет.

Он, казалось, не слышал ее оправданий; резко встал и направился к выходу:

– Посиди здесь. Никуда не выходи.

Услышав, как ключ дважды повернулся в замке (запер?!), Аллочка вскочила и тут же бессильно опустилась обратно; не пытаясь сдерживаться, заплакала – окрашенные тушью слезы зазмеились по сразу ставшему некрасивым лицу...

Глава II

В доме ничего не изменилось, в доме все оставалось по-старому – а значит, Колыванову было здесь хорошо. Он отключил сигнализацию, занес вещи; прошел к небольшому электро-щитку, висящему над дверью кухни, нажал белую клавишу – что-то загудело, защелкали реле.

Колыванов вышел на улицу, прислушался – насос в скважине трудолюбиво загудел, через час водонапорный бак под крышей наполнится – но водой можно пользоваться уже минут через десять... Эту систему Колыванов поставил в ожидании, пока до Редкого Кузьмина дотянут обещанный водопровод, – а теперь сомневался, так ли уж ему нужна пахнущая хлоркой городская вода.

По какому-то геологическому капризу природы скважины у соседских домов были метров по пятнадцать глубиной, не больше, – а у Колыванова вода пошла лишь на сорок втором метре. Он ругался, бурильщики (бравшие деньги с каждого пройденного метра) виновато разводили руками, но результат окупил затраченные нервы, деньги и усилия – вода была необычайно вкусная и чистая, с приятным привкусом минералки.

Знающие люди говорили, что скважина угодила в другой, более глубокий водоносный слой. Правда, Катя с подозрением относилась к подземным водам всего в двадцати километрах от гигантского города, подозревая, что туда может просочиться самая ядовитая гадость... Но Колыванов пил и похваливал.

Он как раз набирал кувшин своей любимой воды, когда в кухню вбежал Саша.

– Ну, как караси перезимовали? – с легким скепсисом спросил Колыванов. Выросший в низовьях Волги, население здешних водоемов за рыбу он считал довольно условно.

– Вот такие у травы плещут! – Саша раскинул было руки истинно рыбацким жестом, но устыдился и свел их до размеров десертной ложки. – Побегу червей накопаю, а с утра – на зорьку. Будильник я взял, не просплю...

– Говорят, километрах в двух отсюда, на Кузьминке, даже раки водятся. Будет потеплее вода, сходим обязательно... – При мысли о красных дымящихся раках Колыванов мечтательно зажмурился. – Не хочешь водички попробовать?

Во время этого разговора он медленными глотками, как специалист-дегустатор, прихлебывал из стакана воду.

– Не-а, мама не разрешает... – И Саша налил себе из большой, привезенной с собой пластиковой бутылки.

Маму слушаться, конечно, хорошо, подумал Колыванов, осушая второй стакан. Но когда она далеко и не видит... Ладно, куплю и поставлю фильтр, аквафор какой-нибудь...

За окном мяукнул автомобильный сигнал. Он выглянул – так и есть, Денис приехал. Один, лишь с заднего сиденья выглядывает меланхолическая морда Филы. Любимой собаки Горянина.

Капитан в отличие от Аллочки прекрасно понимал, что такое шторм-57. И чем грозит его исчезновение. Но в панику не впал, не умел он впадать в панику.

Главное – сразу взять ситуацию под контроль. Для начала успокоить Виктора Эльдаровича (или Доктора – под этим псевдонимом тот фигурировал в разговорах узкого круга посвященных).

Доктор уже мандражирует, если это начнет распространяться – конец всему.

– Кто еще знает?

– Л-лаборантка, Аллочка... Больше никто, мы с ней по инструкции... двумя ключами...

– Где она?

– У м-меня в кабинете, я запер на всякий случай... Хм... молодец Доктор, испугался или не испугался, а сделал все как надо. Ладно, пусть девчонка посидит немного под замком, ничего с ней не сделается.

– Как все обнаружилось?

– Дикая какая-то случайность! Все было согласно инструкции – сорок восемь контейнеров в сейфе-термостате, каждый изымался с записью в документах... Сегодня м-мы с Аллой забирали один и... и она заметила... не понимаю, как т-такое могло получиться... фантазматическая какая-то...

– Спокойнее, Доктор. Ну что вы там нашли? Затаившегося Джеймса Бонда?

Незамысловатая шутка, казалось, слегка успокоила Доктора. По крайней мере мямлить и заикаться он перестал.

– Один контейнер оказался с Ag-257. Это разновидность быстродействующего...

– Я знаю, чего это разновидность... – мягко сказал Капитан, имевший все мыслимые допуски. – Как такое могло произойти? Ведь каждый контейнер имеет маркировку на крышке?

– Маркировка смылась. Возможно, капнули реактивом... остались две цифры: 57. И Алла заметила, что они не по центру... Вскрыли – ампула другая...

– Если это банальная путаница, то пропажа должна быть среди 257-го, так?

– Ну, 257-й не проходит даже по первому списку, безобидный препарат серебра... и почти не оправдавший возлагавшихся на него надежд... строгого учета не ведется... Но мы проверили! Его там нет! Нет!!! Вы понимаете, что это значит?! Да если...

Успокоенный было ледяной бесстрастностью собеседника, Виктор Эльдарович вновь срывался в пучину паники.

Капитан, не отвечая, резко встал, подошел к сейфу, отпер – все молча. Повернулся к Доктору, держа в руке пистолет. Подавившийся очередным восклицанием Доктор смотрел на него ошалевшими глазами.

Капитан усмехнулся жестко, вложил пистолет в кобуру (бывший в ней газовик небрежным движением отправил в сейф); достал плоскую бутылку, налил половину стакана; подумал – долил доверху. Поставил перед Доктором:

– Выпейте. Подождите пять минут, зажмите антиполицаем и отправляйтесь к вашей лаборантке. Версия следующая: исчезнувший препарат имеет большое значение для вас лично, речь идет о первенстве в создании безвредных генетически измененных продуктов. Вопрос стоит принципиально: мы или Америка. На кону почет, всемирная слава и большие деньги – потому так и разволновались. Убедительно излагайте, Доктор... Разговор запишите.

На стол, рядом с коробочкой антиполица, лег диктофон. К Доктору, механическим движением робота заглотившему коньяк, медленно возвращались естественные цвет и выражение лица.

Ну и славно, пусть идет и делает все как надо, поскольку на кону не почет и не слава, а жизни.

Много человеческих жизней.

– Нет, Миша, переходи на упрощенку и не раздумывай! – Денис говорил горячо и убежденно.

Они ужинали на горянинской даче (Саша лег пораньше, ввиду утренней рыбалки).

На столе водка «Абсолют» – Горянин был уверен, что только ее пока не подделывают; легкие закуски, в основном из консервных банок – Денис до сих пор не женился, и отсутствие женской руки в его доме чувствовалось. Бывали, конечно, мимолетные подружки, куда от них денешься... Но такие связи Горянин не затягивал, и на люди с очередными пассиями старался не показываться. Пили немного – оба не злоупотребляли.

– Оборот у меня великоват для упрощенки, – ответил Колыванов, лениво пытаясь зацепить вилкой скользкий и хитрый маринованный шампиньон. Сегодня, вечером пятницы, говорить о работе он был не настроен.

Горянин, наоборот, был еще мыслями весь в делах. Вырвавшись на этот вечер за город, завтрашнее утро он вновь планировал провести в Питере. Упрощенная система налогообложения стала очередным бзиком Дениса, он вообще был увлекающимся человеком в отличие от более осторожного Колыванова.

Впрочем, порой ему удавалось заинтересовать и друга своими придумками – например, покупка этих двух коттеджей была целиком идеей Горянина.

– Ну и что? – настаивал Денис. – Подумаешь! Я вот разбил контору на три якобы независимые фирмы – и все нормально, по обороту все проходят... Надо будет – четвертую зарегистрирую. Зато можно спокойно торговать с любой наценкой и не зарывать прибыль этими вечными обналичками...

– Хорошо, я все продумаю и просчитаю, – равнодушно сказал Колыванов.

Может, в этой мысли действительно что-то есть, но думать об этом он будет за своим рабочим столом, в понедельник, не раньше.

И чтобы перевести разговор, Колыванов спросил, когда наконец к их части поселка подведут газовую ветку. Но Горянина этот вопрос интересовал мало, для нечастых кулинарных порывов ему и его девицам хватало микроволновки, электрогриля да стоявшего во дворе мангала.

– Ну, это ты зря, Денис, – мечтательно сказал Колыванов. – Микроволновки – ерунда, для настоящей готовки нужен живой огонь; попробовал бы ты, какой у Кати получается гусь на противне! Вкуснота – аж зубы ноют...

Он замолк, не закончив фразу, пораженный неожиданным ощущением – у него действительно вдруг заныли все зубы. Черт, с чего бы это, ведь недавно был у стоматолога... Торопливо ухватил со стола рюмку, подержал водку во рту, не проглатывая, – ноющая боль постепенно исчезла.

Лежавшая у ног Горянина Филя глухо заворчала, не понравился ей резкий жест Колыванова.

Он глянул на нее подозрительно – с самого детства испытывал неприязнь к крупным собакам. Почему – Колыванов и сам не знал, вроде никогда его псы не кусали. Вполне возможно, что какая-нибудь шавка напугала карапуза Мишу в нежном ясельном возрасте – воспоминание стерлось, а затаенный страх остался...

Филя, с ее огромными челюстями, без поводка и намордника беззаботно носящаяся по горянинскому дому и по их смежным участкам, как-то Колыванову не очень нравилась.

Друг отметал все намеки, утверждая, что псы редкой породы бразильеро выводились исключительно для охоты на беглых негров-рабов и на белого человека броситься не могут генетически. Колыванов возражал, что прямое дело овчарок – помогать пасти овец и отгонять волков; но и людей они треплют так, что любо-дорого...

Впрочем, Филя ничем его подозрений не оправдывала – не нападала ни на людей европейской внешности, ни на понаехавших таджикских цыган, по цвету мало отличающихся от бразильских негров.

И даже на кошек смотрела равнодушно...

Глава III

Объявленная Капитаном тревога А-3 ничего особенного собой не представляла.

Случалось ему работать и при тревоге А-1 – несколько лет назад, на Полигоне, – тогда было тяжко. В те дни он был не капитаном, всего лишь старлеем; да и сейчас не носил этого звания, хотя псевдоним приклеился намертво, – в шкафу висел китель с майорскими погонами. В тридцать один год вовсе даже не плохо. Звания у них получали быстро – кто выживал...

Но тревога А-3 тоже не сахар. Четыре часа кропотливых поисков результата не дали – на девяносто пять процентов Капитан был уверен, что контейнер покинул Лабораторию.

Это кардинально меняло ситуацию для Капитана лично. За внутреннюю безопасность отвечал Седой, внешнюю обеспечивал Капитан. И девяносто пять процентов за то, что тут не халатность или небрежность, а подготовленная и проведенная извне акция.

Четыре часа персонал и охрана искали пропажу в соответствии с легендой Капитана, изложенной Доктору и Алле. С одним существенным дополнением: было объявлено, что исчезнувший биопрепарат для человека является смертельным ядом, антидотов не имеющим... И вызывает не мгновенную, но крайне мучительную смерть...

...Шесть человек, собравшихся у Капитана, не нуждались в легендах и знали про штамм-57 все. И разговор у них был тяжелый.

Как ни удивительно, самым равнодушным казался Доктор – приложившись еще раз к бутылке Капитана, сидел в углу молча, курил и ни на что не обращал внимания... Остальные заметно нервничали, и своим вступлением Капитан заставил их нервничать сильнее.

– Ну что, доигрались? Привыкли, что все тихо и гладко, обленились... И проглядели крысу под самым носом! Но я скажу вам одну вещь. Вы – единственные в Лаборатории, кто знает, что пропало. И если крыса – один из вас, то я обещаю, что никакой выгоды он из этой пропажи не извлечет. Никакой и никогда. Где бы и как бы ни всплыл 57-й – если можно будет протянуть к кому-либо из вас хоть тоненькую ниточку... Расследований не будет. Официальных обвинений не будет. Судов и адвокатов не будет. Будет пуля в лоб. Вот из этого пистолета...

Пистолет, казалось, сам выскочил из кобуры на ладонь Капитана и тут же нырнул обратно. Присутствующие молчали, знали – как сказал Капитан, так и сделает. И рука не дрогнет. А он продолжил:

– Но пока допустим, что крысы между нами нет. И над нами нет... – Палец Капитана устремился к потолку, но все поняли, что имеет он в виду не чердачные помещения. – Излагайте соображения, даже самые дикие и фантастичные, отрабатывать придется все. А начнем мы с вас...

Капитан подошел и уселся на край стола, за которым сидел Деточкин.

Под пристальным взглядом тот мялся, ерзал по стулу и всеми силами создавал у присутствующих впечатление, что именно он прямой и непосредственный виновник исчезновения 57-го...

Но как раз его Капитан ни в чем не подозревал. Однажды, несколько лет назад, Деточкин уже крупно погорел на частном гешефте без отрыва от служебных обязанностей – когда разработанный им приборчик, дистанционно отключающий все известные системы автосигнализаций, оказался одновременно на вооружении и Конторы, и угонщиков-профессионалов. Неприятных впечатлений Деточкину (тогда же и заработавшему свое прозвище) хватило надолго.

Капитан был уверен, что, однажды обжегшись, второй раз их главный технарь ни в какую авантюру не полезет. Именно потому, что у любого знакомого с его личным делом становился подозреваемым номер один...

– Ну... это... я думаю... если полета седьмой выносили... так ведь в контейнере? Правильно ведь? Как же без контейнера? Упадешь, споткнешься... и все! При такой концентрации, ведь это каюк... сразу... Так ведь?

В поисках поддержки Деточкин обернулся к Доктору. Но тот молчал, уйдя в глубины размышлений. И Деточкин продолжил так же сбивчиво:

– Я вот и думаю... металлодетектор... ломался... четыре дня в апреле не работал... тогда и вынесли... иначе как же... ведь толкнут в троллейбусе... и привет, будет полный салон хе-хе, объектов...

– Если выносили по заказу, то заказчик вполне мог предоставить полимерный или керамический контейнер...

А вот ждать случайной поломки детектора чревато, – мрачно сказал Капитан. – Но отработать стоит. Тогда пустой контейнер должен остаться здесь, в Лаборатории. Будем искать.

– А может, и не пустой. Бывает, вещи так теряются, что через три года найдешь и сам понять не можешь: ну как ее туда занесло? – Седой недоуменно развел руками. – Вот, помню, у меня на даче...

– Скажи лучше, что с прослушкой? – оборвал Капитан его неуместные воспоминания.

– Что, что... Уши только распухли и у меня, и у Руслана... Вон видишь? – И он откинул длинную прядь седеющих волос. Капитан глянул на него зверем, и Седой тут же перешел на официальный тон: – Докладываю: сегодня персонал отпущен домой после поголовного личного досмотра. Результат нулевой. Проверены телефонные переговоры за последнюю неделю – внутренние и внешние. Ничего конкретного. Выделено двадцать шесть фраз, похожих на кодовые. Типа «Привезла с дачи одну банку маринованных огурцов». Будем слушать дальше, а завтра попробуем поработать с любителями огурчиков... Но сдастся мне, сплошь пустышки...

– А чего ты ждал? – неожиданно пробасил Эскулап и затянулся очередной беломориной, выпустив на окружающих струю сизо-вонючего дыма. – Ты думал, кто-то скажет, что только что стырил порцию 57-го и желает продать? А голос с забугорным акцентом ответит: «Я есть давать десять тысяч доллар и ни одыин цент больше...»

Эскулап сидел в грязном, давно не стиранном халате – толстый, лысый, бородатый, как всегда крайне циничный. Не боялся никого и ничего, уверенный, что уж без него Лаборатория никак не обойдется, – и основания для такой уверенности были. Но сегодня все карты перемешались, вчерашние тузы стали не дороже шестерок... И Капитан посмотрел на Эскулапа с нехорошим интересом. Тот продолжил:

– Почему, собственно, вы все решили, что гипотетический похититель должен был знать, что выносит? Логика может быть простой: если что-то так берегут и прячут, значит, дорого стоит. А тут вдруг внезапно под руку подворачивается контейнер, вроде как и неучтенный. И срабатывает инстинкт хомяка – схватить и утащить в норку. Либо это чисто случайно совпало с поломкой вашего детектора, либо вынесли попросту, в кармане. В троллейбусах, кстати, сотрудники не толкаются, их развозка по домам доставляет...

– Зачем в хомячьем хозяйстве ампула с неизвестным препаратом, судя по маркировке, несомненно, опасным? – Несмотря на скептический тон вопроса, Капитан заинтересовался версией.

– Ну мало ли... Соседскую собаку на даче отравить. Крыс повывести. Или в криминальных целях – известить опостылевшую тещу ядом, от которого любой эксперт-криминалист свихнется. Да хомяки и не рассуждают, тащут все, что плохо лежит. Может ампула проваляться лет десять в кладовке и отправиться на помойку – при генеральной уборке.

– Хорошо. Тогда попробуйте обрисовать, что произойдет, если 57-й съест крыса. Или собака. Или теща. Если ампула разобьется в троллейбусе или мусорном бачке.

– Ничего хорошего не произойдет, – ответил Эскулап мрачно и серьезно. – Будут трупы. Это в лучшем случае. А вот в худшем...

Ночь стояла шикарная, теплая и безветренная – до настоящих белых ночей оставался почти месяц, но все равно было светло – полная, чуть подернутая дымкой луна отлично освещала окрестности.

Он возвращался к своему коттеджу; перешагнул изгородь, разделявшую участки, стал огибать пруд... У берегов поквакивали лягушки, но как-то вяло, без того азарта, что три недели назад: май, пора лягушачьих свадеб заканчивалась; возле камышей кто-то шумно всплескивал, не иначе во-о-от такие Сашкины караси. Колыванов приостановился, вслушиваясь в этот плеск, далеко разносящийся в ночной тишине, – и тут его прихватило по-настоящему.

Боль была резкая, пронзающая, дающая метастазы: три десятка безжалостных щипцов вцепились во все зубы верхней и нижней челюстей, и тут же в ухо вонзилась и провернулась раскаленная добела игла – провернулась и прошла дальше, в глубь черепа, который моментально превратился в гранату с выдернутой чекой, – и мозг взорвался ослепительной белой вспышкой...

Колыванов застонал. Он сразу понял, что это и что будет дальше; побежал к дому, спотыкаясь, ничего не видя вокруг за ослепляющей стеной боли...

...Началось с ним такое давно, когда Колыванов был двадцатилетним студентом: в один отнюдь не прекрасный день у него заболели зубы – вся правая половина верхней челюсти, резкая боль отдавалась в ухо и в височную часть черепа...

Врачи прогнали по кругу – лор, стоматолог, невропатолог, – но внятного диагноза не поставили. Выписали рецепт на пенталгин – сказали, поможет.

Таблетки действительно на два-три часа доводили боль до терпимого уровня, позволявшего даже посещать институтские лекции. Через какое-то время приступы прекратились и Колыванов мало-помалу забыл этот неприятный случай. И не вспоминал почти три года.

Через три года все повторилось, и в значительно худшем варианте. Деньги у него уже водились, обратился к частным медикам, но результат не обнадежил – диагностировали воспаление тройничного нерва.

Можно было покончить с ним раз и навсегда, проведя несложную операцию-рассечение. Но подвижность и мимика правой стороны лица весьма бы отличались от аналогичных функций стороны левой.

А можно было заглушить боль обезболивающими, дождавшись неизбежного улучшения, но тогда приступ мог повториться через непредсказуемый срок – может, через месяцы, может, через годы...

Колыванов от операции отказался, резонно рассудив, что отрезать что-либо куда проще, чем пришить обратно. К тому же случайно он обнаружил прекрасный анестетик, продаваемый без всякого рецепта, – сто грамм водки или аналогичного по градусности продукта снимали без остатка на час-другой все симптомы. Два приступа за последние восемь лет Колыванов пережил успешно, но с такой силой накатило впервые...

...Он влетел в дом, не закрыв двери, бросился к шкафчику, где хранил запас дешевой водки – премию для достраивавших дом работяг. Другого спиртного на даче не оказалось.

Крутанул пробку, срывая резьбу, искать стакан было некогда, приложился к горлышку; пищевод бурно запротестовал, когда по нему покатилась тепловатая жидкость с отвратным запахом плохо очищенного спирта.

Подождал, держа бутылку в отставленной руке – никакого эффекта, резкая боль продолжала разрывать изнутри челюсти, – снова приник к горлышку и долго не отрывал от губ.

Наконец подействовало, кровь зашумела в ушах, привычная обстановка гостиной виделась как сквозь слой воды или толстое, чуть мутноватое стекло, но боль, проклятая боль отступила.

Колыванов тяжело опустился на стул, его подташнивало, во рту стоял омерзительный вкус – тут же поднялся, подошел к крану, нацедил большую кружку, пил жадно, знаменитая вода проливалась на рубашку; допил и медленно, пошатываясь, направился в спальню.

Два полных стакана дешевого пойла делали свое дело все быстрее и быстрее, раздеваться ни сил, ни желания не было – Колыванов рухнул поперек кровати, яркие красно-желтые пятна перед закрывшимися глазами вращались все быстрее, сливаясь в творение абстракциониста-наркомана, и сопровождающий это вращение звук становился все выше и выше, устремляясь в ультразвуковую область. Потом исчез и он, и абстрактная картина – Колыванов провалился в липко-черную яму сна без сновидений.

Глава IV

Доклад Марченко – Чернорецкого (уцелевший фрагмент)

...еще в сохранившемся в отрывках трактате «Mira-culumus», приписываемом древнеримскому ученому Саллюстию (I век до н. э.).

Но первые действительно научные опыты по физиологии и биохимии ликантропов связаны с именем русского патологоанатома и инфекциониста Г.Н. Минха (1836—1896 гг.). Минх (не используя термин «ликантропия» и др. аналогичные термины) опубликовал в 1893 г. работу «О некоторых аспектах генезиса и лечения миопатии», в которой подвергал сомнению наследственно-хронический характер миопатии (болезни мышц, ведущей к их ослаблению и атрофии) и предлагал на основе проведенных опытов методику ее лечения инъекциями сыворотки крови лиц, страдающих мышечным гипертонусом. Судя по описанию, по меньшей мере в двух случаях для приготовления сыворотки использовалась кровь ликантропов в фазе ремиссии. Дальнейшая судьба получивших инъекции больных неизвестна.

Минх совершенно правильно предположил инфекционную природу некоторых изменений мышечной ткани, но, естественно, без возникших в 50-е гг. XX века методов рентгеноструктурного анализа белков не смог определить мутацию миозина мышц ликантропов, повышающую кпд про-тофибрилл по сравнению с нормой в 9—12 раз.

Обстоятельства смерти умершего на шестидесятом году жизни Г.Н. Минха до сих пор загадочны – известно лишь, что вскрытие не проводилось, и тело, согласно последней воле усопшего, было кремировано в течение считанных часов после его смерти. В связи с этим представляет особый интерес тот факт, что практически все опыты Минх проводил первоначально на себе (в частности, в 1874 году доказал таким образом заразность крови больных возвратным тифом). Лабораторные журналы Минха за последние три с лишним года найдены не были, но по некоторым свидетельствам самые последние его работы были связаны с регенерацией и заживлением ран.

– Какая вероятность, что 57-й сработает случайно и спонтанно? Сработает так, что мы получим на выходе объект? – Голос Капитана звучал хрипло и устало; он закурил очередную сигарету и тут же погасил ее в переполненной бычками пепельнице – дышать в прокуренной до невозможности комнате без окон было все трудней и трудней, но совещание продолжалось. Все более или менее благоприятные возможности они перебрали и подошли к самой гнусной.

– Вероятность исчезающе мала. – Капитану показало – лось, что в тоне Эскулапа сквозит легкая неуверенность. – Концентрация в ампуле смертельная, примерно три тысячи единиц... И если даже 57-й случайно или намеренно разведут до нужной пропорции и угостят кого-нибудь таким коктейлем... Надо думать, клиент или загнется от болевого шока, или вызовет «скорую» и окажется в больнице с вполне опознаваемыми симптомами – жар, постоянная жажда и резкая боль во всех костях в сочетании с бурным ростом волосисто-покрова. И это все на фоне достаточно характерных галлюцинаций... Без наблюдения специалистов и без введения комплекса тщательно сбалансированных препаратов, подавляющих побочные эффекты, удачная мутация практически невозможна.

Капитан коротко глянул на Седого и Руслана. Седой кивнул в ответ, сделав пометку в блокноте. Все в порядке, если кандидат в объекты действительно окажется на больничной койке, они его не пропустят... Но почему-то Капитану казалось, что Эскулап кое-что не договаривает... И он спросил:

– А как тогда объяснить все зафиксированные случаи спонтанной ликантропии? Насколько я знаю, таких было немало, а никаким наблюдением или препаратами там и не пахло.

– Ну, на самом-то деле реальных ликантропов было куда меньше, чем можно вообразить при изучении легенд, сказок и мифов о них... Надо понимать, что каждый такой случай народной молвой тиражировался, превращался в бродячий сюжет. Черт возьми, мы три года мотались по медвежьим углам и вслушивались в маразматический лепет столетних бабок, пока...

Эскулап неожиданно замолчал на середине фразы, и собравшийся было оборвать его Капитан ничего не сказал. Незачем трубить о том, что Эскулап со товарищи не только собирал всевозможные деревенские страшилки, но и активно разыскивал и раскапывал позабытые, позаброшенные могилы, часто расположенные снаружи кладбищенских оград и не имеющие никаких опознавательных знаков.

Раскапывал, пока не обнаружил в одной на удивление сохранившийся за многие десятилетия труп человека, человеком на деле только выглядевшего...

Но ни к чему оповещать собравшихся, откуда появился на свет вирус – далекий предок штамма-57... Штамма, превращавшего человека в крайне опасную, почти неуязвимую смертоносную тварь.

Хотя почти все собравшиеся могли бы вычислить это, как вычислил в свое время сам Капитан. Да кое-кто и вычислил, недаром среди узкого круга сотрудников Лаборатории ходили упорные слухи, что в Виварии имеется некая секретная даже от них комната, своего рода кунст-камера, где хранятся вызывающие оторопь находки группы Эскулапа.

Среди прочего шепотом, на ухо, назывался человеческий череп с сорока восемью зубами; похороненный лет пятьдесят назад очень неприятного вида младенец, сердце которого до сих пор продолжает ритмично сокращаться; человек (?), место левого полушария мозга которого занимало странное медузообразное существо, пустившее отростки во все органы и явно находившееся при жизни в полном симбиозе с давшим ему приют организмом...

Капитан знал точно, что такой кунст-камеры нет (по крайней мере в Виварии). Знал и другое – дыма без огня не бывает. Но кто бы и о чем бы ни догадывался, история происхождения 57-го была запретной темой для разговоров при любых обстоятельствах. Эскулап и сам понял, что начал не в том, и перевел стрелки на Доктора, так до сих пор и молчавшего.

– Ну, генетические особенности организмов, предрасположенных к ликантропии – это исключительно по части Виктора Эльдаровича... Я же отвечаю на конкретный вопрос: шанс, что в контакт с 57-м вступит человек, способный пережить мутацию и не загнуться, ничтожно мал – один из нескольких десятков миллионов. Иначе у нас под действием природных, гораздо более слабых штаммов в каждой рощице был бы ночами оборотень... А по утрам спецмашины собирали бы останки растерзанных тел...

Капитан поморщился. В Лаборатории даже между посвященными употреблять слово «оборотень» считалось дурным тоном. Предпочитали говорить «объект», «ликан», «объект W», и т. д.

А Доктор, как оказалось, ушел в себя не настолько глубоко, чтобы не слышать своего имени. Впрочем, к генным особенностям ликантропии его речь не имела никакого отношения.

– Вы понимаете, о чем вы говорите? Так вот спокойно говорите? Нет, ни хрена вы не понимаете... Это Паломарес, биологический Паломарес...² Какая там, к чертям, больница, у всех сейчас в домашних аптечках навалом самых сильных обезболивающих... или штамм может по в организм наркомана, он перенесет мутацию под кайфом и ничего не поймет даже... Да и вообще, кто проверял действие 57-го на нормального и здорового человека, не страдавшего от недоедания и хронических заболеваний? Никто не проверял! Вспомните, кем были раньше объекты... Какой там один шанс из миллионов... если кто-то и умрет от сверхударной

² В окрестностях испанского местечка Паломарес американцы умудрились потерять четыре атомные бомбы, сброшенные с самолета в результате нештатной ситуации (ни одна, по счастью, не взорвалась). Одна шлепнулась прямо на грядки крестьянского огорода, две другие тоже отыскались быстро, а вот четвертую, рухнувшую в море на приличной глубине, искали и поднимали несколько месяцев.

дозы, то остаются те, кто будет его пытаться спасти и кто будет его вскрывать и хоронить... Это будет не Паломарес, это будет биологический Чернобыль, Хиросима и Нагасаки вместе взятые... Мы не можем допускать и предполагать даже в порядке горячего бреда... ни малейшей вероятности того, что контейнер будет вскрыт. Мы должны разбиться в лепешку, чтобы этого не случилось! И не одни мы! Ничего мы сами не сделаем... В городе должно быть объявлено чрезвычайное положение и биологическая тревога! Карантин! Обсервация! Перекрыть все выезды, искать этот чертов контейнер должны все: милиция, МЧС, армия, ФСБ, медики... Объявить награду по всем телеканалам, пообещать деньги любому, вернувшему 57-й, пусть он даже работает или работал в Лаборатории...

Доктор замолчал, выдохнувшись. Остальные тоже молчали, потрясенные неожиданным предложением. Пауза затягивалась, и нарушил ее Капитан, сказавший проникновенно и мягко:

– То есть вы предлагаете рассекретить деятельность Лаборатории? Предать гласности все результаты работы? Других способов поднять по тревоге силовиков я пока не вижу.

– Да! Все всплывет так или иначе, но если мы не вытащим голову из песка, всплывут и трупы, всплывут в таком кровавом болоте...

– Для начала всплывет наш Виварий... Точнее, ваш Виварий, – сказал Капитан медленно, словно рассуждая сам с собой. – Вы когда-нибудь слышали про доктора Менгеле?³ Между прочим, что бы там ни говорить с точки зрения физиологии и генетики, юридически все объекты – до сих пор люди. И когда вы берете пилу и трепанируете им череп, то это не вивисекция животного. Это с точки зрения закона убийство. Садистское убийство.

Он в упор смотрел на Виктора Эльдаровича. Если Доктор на этом не сломается, то ему отсюда не выйти. Его отсюда вынесут. Слова не важны, если в глазах сейчас не дернется страх, то не помогут ни уговоры, ни пленки, зафиксировавшие во всех подробностях проводимые Доктором операции...

Доктор сломался. Капитан с удовлетворением отметил, что направление мыслей собеседника изменилось, на место опасений за судьбы человечества пришла тревога о своей личной и персональной судьбе.

По лицу Доктора можно было читать, как по открытой книге, – выражение обличительного пафоса исчезло, взгляд растерянно перебегал с одного собеседника на другого, пальцы нервно крошили сигарету. Но стоит подать немного назад, успокоить расшалившиеся интеллигентские нервы. И Капитан сказал:

– В любом случае решать вопрос о рассекречивании и привлечении сил со стороны придется не нам. Генерал должен был вернуться через два дня. Думаю, получив сообщение о произошедшем, вернется раньше. Все наши соображения я ему доложу в сжатом виде. И буду, Виктор Эльдарович, настаивать на проведении в жизнь вашего предложения. Единственное уточнение – посторонних привлекать надо втемную, сочинить убедительную легенду. Даже две, три, четыре легенды, если понадобится... Надо срочно и тщательно продумать, откуда в официально занимающейся растениеводством Лаборатории такие убойные снадобья. Но это утром, на свежую голову.

Он еще раз внимательно посмотрел на Доктора. Вроде успокоился, уже не рвется разоблачать и срывать маски; но все равно пригляд за ним нужен...

Чтобы не повторилась история с Марченко.

Под утро Колыванову приснилась охота. Старинная псовая охота, многолюдная и зрелищная: захлебывались звонким лаем гончие-арлекины, рвались со сворок борзые; багрово-

³ Й. Менгеле – врач-нацист, ставивший садистские опыты на людях.

лицей, седоусый доезжачий⁴ из всех сил трубил в рог «по зрячему», рискуя заработать апоплексический удар; выжлятники азартно науськивали спущенных со смычки собак...

Наверное, все это выглядело бы красиво и увлекательно, если бы не одна малость – дичью был он, Колыванов.

...Он метался на кругах по обширному лесистому острову, не желая выходить в поле, под острые зубы борзых, – метался почему-то на четвереньках; и как ни странно, так бежать было ему легко и удобно... Гончие заливались и справа, и слева, пока невидимые сквозь густой кустарник, он резко менял направление бега, сбивая их с толку, – но вот молодая и паратая выжловка пегой молнией прорвалась сквозь кустарник и замастерила по зрячему...

Остальные немного поотстали, но от переливов проклятой суки казалось, что вся стая на хвосте, что он бежит медленно, что до борзых дело не дойдет и все кончится здесь, в острове, в быстротечной и кровавой схватке с гончими. Но Колыванов не боялся – удивительно, но он ничего не боялся.

Он чуть сбавил темп, позволив выжловке сократить дистанцию, резко развернулся – и напал. Не ударил рукой или ногой – вцепился зубами в плечо, резко мотнул головой, вырывая, выдирая шкуру и мясо, почувствовал на губах пряный вкус крови, коротко рыкнул, перекрывая жалобный визг выжловки, и снова понесся, закладывая широкую дугу вдоль края острова.

Но травили его мастера своего дела – еще три смычка гончих, наброшенных выжлятьниками, рванулись наперерез, наседая, дыша в затылок, и Колыванов поневоле вырвался из острова и понесся по полю, по пожухлой осенней граве. Хрипло проревел охотничий рог, и в травлю включились борзые.

Он бежал быстро, но где уж было тягаться на открытом месте с этими четвероногими молниями, рожденными и выращенными для бега, и только для бега. Расстояние до погони сокращалось, он поневоле поворачивал, огибая препятствия – редкие кусты, кучи свезенных со всего поля камней, поросшие диким малинником, – и борзые, мастера, срезали путь на каждом его повороте, приближаясь все больше и больше.

И все-таки он почти ушел – псы начали уставать, а до другого, гораздо большего острова оставалось всего сотни полторы сажень, когда несущаяся первой борзая напрягла в предельном усилии готовые разорваться мышцы и связки – и преодолела-таки несколько разделявших их шагов, до глотки добраться не успевала, ухватила сзади и сразу подогнула лапы, повисла живым якорем.

Колыванов потерял темп, крутнулся колесом – сбросить, стряхнуть с хвоста помеху. Но тут же набежали остальные, вцепляясь мертвой хваткой повсюду: в бока, в загривок, в уши, в ноги (или все же в лапы?). Впрочем, в свалку полезли не все, лишь самые злобные и вязкие, притравленные по крупному и опасному зверю, – остальные, не меньше половины своры, поскуливая и повизгивая, плотно сбились чуть поодаль...

Глаза заливала кровь, не то своя, не то чужая. Он бился молча, ворочаясь под навалившимися со всех сторон телами, казавшимися ему слабыми и невесомыми. И как бывает порой в таких дурных снах, укусы узких щучьих щипцов борзых не причиняли ему почти никакого вреда – он не чувствовал боли, мышцы работали великолепно, словно и не терзали их острые собачьи клыки.

А противникам доставалось всерьез: то одна, то другая борзая вылетали из кучи сплетенных тел – одни тут же бросались обратно, не обращая внимания на страшные раны и волоча за собой свисающие внутренности, другие оставались лежать на месте.

⁴ Здесь и далее: доезжачий – в старинной комплектной охоте руководил гончими; выжлятники – его помощники; остров – небольшой окруженный полем лес; выжловка – гончая-сука; мастерица (для собак) – сходить со следа зверя, срезая путь напрямик; по зрячему – не спуская глаз с бегущего зверя; щипцы – челюсти (у борзых собак).

Он победил бы, он перебил бы их всех до единой, но по мягкой земле глухо зашлепали копыта – наезжали охотники. Передний, явно среди них главный, одетый в роскошный, сверху донизу расшитый серебром охотничий кафтан, предостерегающе поднял руку:

– Мой!

Спутники послушно придержали коней, и главный, подъезжая, протянул уважительно, с ударением на последнем слоге:

– Матеро-о-ой...

Но с седла не спрыгнул, не стал пытаться брать живым...

Колыванов видел все это урывками, не прекращая драки, но понял одно: надо убить, надо немедленно убить этого самого опасного – тогда остальные не в счет, тогда они разбегутся или погибнут. Он изготовился прыгнуть, стряхнуть борзых, стряхнуть пусть даже с кусками собственной плоти на зубах.

Охотник тоже выбирал удобный момент, свесившись с седла и перевернув плеть-камчу вверх тяжелым серебрянным шаром, венчавшим рукоять.

Колыванов успел первым, вывернувшись, выскользнув ужом из-под рычащей и взывающей груди; разминул в полете с расклевшей воздух камчой и вонзил клыки в расшитую серебром грудь... нет, попытался вонзить – неведомая сила отбросила его, отшвырнула без всякого видимого удара, ошеломив на мгновение резкой, пронзившей насквозь болью...

Собачьих зубов, впившихся в его тяжело рухнувшее тело, он опять не почувствовал – мгновенно, как каучуковый мячик, оттолкнулся от земли и от затрепавших под лапами (или все же ногами?) вражьих костей, взмыл в воздух, целясь в глотку, в беззащитную, не укрытую проклятым металлом глотку.

На этот раз охотник не оплошал: серебрянный шар с маху вломился в висок Колыванову – тот почувствовал, как голова с отвратительным хрустом разлетается на куски, и это было безумно больно.

...Осколки черепа с огромной скоростью неслись к разным концам Вселенной, и каждый осколок беззвучно вопил от нестерпимой, ужасающей боли. Но что-то осталось, что-то осталось от Колыванова и на этой грешной земле, и это что-то беспощадно вцепилось в горло врага, круша и разрывая мышцы, позвонки, артерии...

Он торжествующе взвыл, победно и яростно, несмотря на разбитую голову и забивавшее кровавое месиво, – взвыл так, что шарахнулись в стороны вроде ко всему привычные кони остальных охотников, а уцелевшие борзые начали пятиться, поджав хвосты, от залитого кровью места побоища.

Взвыл – и умер на самой высокой ноте своего победного воя.

Глава V

Разбудило его не солнце, как то обычно бывало. Комнату для спальни Колыванов выбрал так, чтобы окна выходили на юго-восток, чтобы первые лучи восходящего весеннего или летнего солнца падали первым делом на его кровать – был он «жаворонком», обожал вставать рано, на заре, и часто дразнил засоней любившую поспать Катю...

Но сегодня солнце, напрочь затянутое тучами, к его пробуждению не имело ни малейшего отношения – проснулся Колыванов от размеренных и болезненных ударов по голове.

Это проклятый охотник никак не уgomонится... что ему еще надо, он же убил меня, совсем убил... и умер сам... – подумал Колыванов, просыпаясь; но уже в следующую секунду сообразил, что и охотник, и разбитая им голова остались там, за гранью реальности, в диком и безумном сне...

Гулкие удары по голове, впрочем, никуда от этого понимания не исчезли, но после шестого или седьмого он узнал их – старинные часы, это были старинные напольные часы с маятником, в корпусе из резного дерева, стоявшие в спальне.

Но почему так много ударов? Утром их должно быть гораздо меньше... С этой мыслью Колыванов открыл глаза.

С часами творилось что-то неладное. Во-первых, они стояли не на своем обычном месте; во-вторых, продолжали бессмысленно и тупо отбивать непонятно какое время – Колыванов сбился со счета, но был уверен, что с момента окончательного пробуждения прозвучало не менее двадцати гулких «бо-бомм!». Да и не одни часы, вся обстановка казалась странной, непривычной, чужой...

Он повернул голову, пытаясь оглядеться и разобраться, что же не так в окружающем мире, – голова откликнулась ломящей болью, а глаза уперлись в деревянную поверхность, секундой спустя опознанную как ножка кровати. Он лежал на полу. Понятно...

В памяти Колыванова всплывали события вчерашнего вечера: ужин и разговор у Горянина, внезапно застигнувший на пути к дому приступ застарелой болезни, бутылка с дешевой водкой... Дальше воспоминания обрывались, никаких даже кусочков-обрывочков, только давешний сон, но и он быстро тускнел в памяти.

Колыванов повернулся на бок, сел, игнорируя возмущение протестующего организма; и тут же, не прерывая движения, встал на ноги.

Это, пожалуй, было несколько опрометчиво – он пошатнулся, ухватился за спинку кровати, но остался стоять, пережидая слабость и головокружение. В разламывающейся голове билась одна мысль: существовать в таком состоянии невозможно, надо срочно поправить дело, вернуть организму хоть какую-то способность к функционированию...

Антипохмельных средств Колыванов за ненадобностью не держал, оставалась лишь надежда, что в аптечке найдется хоть что-то от головной боли. И он нетвердыми шагами, опираясь на мебель, двинулся в сторону гостиной. Тот факт, что он абсолютно обнажен, Колыванов проигнорировал.

Даже не заметил этого.

* * *

Одна бутылка лежала на столе, вторая стояла рядом, полупустая. Третью, валявшуюся на полу кучкой битого стекла, Колыванов поначалу не увидел – заметил, наступив босой ногой на острый, вонзившийся в тут же закровоточившую ступню осколок.

С трудом наклонился, тупо поглядел на поползшую из-под ступни липкую красную лужицу, на останки бутылки с синей этикеткой, от которых поднимался сивушный запах.

То ли от этого запаха, то ли от отвращения к самому себе Колыванов затошнило – он едва справился с сотрясавшими желудок спазмами и заковылял, стараясь наступать лишь на пятку, к настенному шкафчику-аптечке. Выгреб на стол все его содержимое, тяжело плюхнулся на стул рядом; первым делом выщернул из ранки на ступне застрявший неровный осколок и стал ртыться в куче разноцветных упаковок, сразу отложив лейкопластырь...

...Лекарства Колыванов мог позволить себе самые лучшие, сплошь импортные, и сейчас этот факт сыграл с ним дурную шутку – он болел редко, не разбирался в написанных на иностранных языках названиях, а ничего похожего на памятные из прошлой жизни снадобья от мигрени не попадалось. Никаких аскофенов, димедролов и пенталгинов...

Любой его соотечественник, регулярно созерцающий рекламу чудо-лекарств, мгновенно бы сориентировался в этом фармацевтическом бардаке. Да вот беда, немногие интересующие его передачи Колыванов смотрел в записи, с заботливо вырезанными рекламными роликами. А когда у него что-то болело, просил Катю дать что-нибудь «от живота» или «от головы». Дурацкая ситуация: сидеть перед грудой лекарств и не знать, какое так необходимо тебе сейчас...

Он взялся за пластырь и вату, решив для начала продезинфицировать и заклеить ранку на ступне. Однако, странное дело, стер с ноги кровь и обнаружил, что края ранки плотно сошлись, она уже не кровоточит и не болит. Хмыкнул удивленно, но заклеил на всякий случай. Смахнул со стола кучу заграничной ерунды и решительно пододвинул недопитую бутылку. Народ недаром говорит, что клин вышибают клином, а подобное лечат подобным – не может ошибаться наш народ в таком волнующем и близко знакомом предмете...

С утра пролетарское пойло казалось еще гадостнее, долго болталось вверх-вниз по пищеводу, будто раздумывало – лечь ли мирно в желудок, или извергнуться обратно; пришлось торопливо запить водой, все той же артезианской водой. Однако подействовало быстро, боль из головы и из всего тела помаленьку ушла, оставив странное ощущение, что Колыванов весь с ног до головы изнутри наполнен чем-то вязким и полужидким, грозящим при неосторожном движении прорвать оболочку и растечься по полу... Но способность мыслить вернулась, и мысли были крайне гнусные:

Да-а... Это надо же так умудриться... и ни с того ни с сего... На первой бутылке праздник, надо понимать, не закончился... как жив-то остался после такой дозы... к счастью, похоже, из третьей большую часть разлил, уронив... Да, когда напивается малопьющий человек, это что-то...

Пол охлаждал босые ступни, все тело наконец почувствовало озноб, и Колыванов отправился в спальню – одеться. Шел гораздо тверже, аккуратно обойдя валявшиеся на полу стекла.

Одежды ни на кровати, ни на полу не было.

Ее вообще нигде не было...

Тяжелый день был сегодня не у одного Колыванова.

Два человека сидели за установленным в просторном кабинете столом напротив друг друга. Молчали, курили, хотя у Капитана табачный дым вызывал уже стойкий рвотный рефлекс.

Помятый, невыспавшийся, он был мало похож на себя вчерашнего – уверенного, жесткого и собранного, одним своим видом гасящего у коллег даже малейшие намеки на панику. Сейчас он позволил выпустить наружу то, что на самом деле чувствовал: мрачную неуверенность и радость – радость от возможности переложить груз ответственности на чужие плечи.

Человек, сидевший напротив, все знал, принимал все решения и, по большому счету, один отвечал за все происходящее в Лаборатории. Свои называли его Генералом – генералом он и был.

Было что-то общее в их глазах – карих у Капитана, васильково-голубых у Генерала. Говорят, в зрачке убитого навсегда остается облик убийцы. Криминалисты утверждают: ерунда. Но, может быть, отчасти верно обратное...

Одеты они тоже были одинаково – в зеленую камуфляжную форму.

Из всех возможных знаков различия у Капитана – лишь эмблема в форме дельтоида, обращенного тупым углом вниз (на фоне вписанного в дельтоид пылающего костра скрещивались два кривых клинка и надпись под ними: «Охрана»).

У Генерала – две обвившие рюмки змеи в углах воротника. Змеи-алкоголички, впрочем, были чистой фикцией, на самом деле вся служба их носителя проходила под другой эмблемой – той самой, сочетающей оборонительное и наступательное холодное оружие.

...Резюме их разговора, изложенное Генералом после долгой паузы, оказалось достаточно неожиданным:

– В общем, все вы сделали правильно. Кроме одного – чересчур раздули проблему. По большому счету ничего катастрофического и непоправимого не произошло, такие накладки бывают в любом большом деле. Сам знаешь, сколько народу гибнет на всяких масштабных учениях: то холостой заряд окажется боевым, то зенитчики вместо цели ее буксировщик сожгут, то вообще целый взвод ботулизм от просроченных консервов заработает. А у нас даже жертв пока нет. И оснований для паники тоже нет. Мысль о том, что продался один из тех, кто знает все, – ерунда. Тогда все обставлено было бы по-другому. Просто в одно прекрасное утро не явился бы на службу, к примеру, Эскулап. Исчез бы. Канул бесследно. А через несколько лет из какой-нибудь закордонной лаборатории просочились бы сведения о работах по нашей тематике. Одна же порция 57-го погоды не сделает, даже если и попадет в нужные руки. Без всего нами наработанного, без методик, без других препаратов... В конце концов, у нас четырнадцать лет форы и мы фактически на финишной прямой – никому нас уже не обойти. И толстосумы, мечтающие прожить подольше, будут приползать к нам, именно к нам. На коленках и с толстенными пачками купюр в зубах...

Капитан незаметно вздохнул. Он был не спец в науках, но даже ему казалось, что последние четыре года Лаборатория топчется на месте. Чудодейственные снадобья, грозившие перевернуть и обрушить все медицину вкупе с фармацевтикой, обладали либо крайне избирательным действием, либо чудовищными побочными эффектами.

Капитану было сомнительно, что даже умирающий толстосум выберет продление жизни в образе косматого и кровожадного мутанта. Хотя черт их знает, замораживать себя на пару веков в жидком азоте в надежде на прогресс медицины тоже отдает шизофренией, однако желающие находятся.

Но Капитан не был уверен, что Генералу удастся то, чем он так упорно сейчас занимался, – интенсивные и анонимные контакты с западными фармацевтами. Схема была задумана простая – мы даем сырье, полуфабрикаты, а вы превращаете их в чудо-лекарства, рекламируете и реализуете.

Тут действительно пахнет миллиардными прибылями, и в таких делах никаким партнерам верить нельзя, ни под какие гарантии. Сначала, конечно, те попробуют сами разобраться и синтезировать нужный продукт. Ни хрена у них не получится – нужны ткани живых доноров-объектов.

Потом в дело вступят разведки и всюду проникающая и все вынюхивающая журналистская братия. А это будет уже борьба на два фронта – сохранить тайну от западных партнеров-конкурентов и от собственного начальства, после сумятицы девяносто первого года имеющего, мягко говоря, не совсем полное представление о темах работы Лаборатории.

И как Капитан ни уважал своего начальника, сомнения в исходе этой борьбы оставались. Особенно в свете ЧП с пятьдесят седьмым штаммом. Если джинн вырвется из бутылки, начнется такое...

Ничего из этих мыслей вслух Капитан не сказал. Спросил только:

– А если подтвердится версия о случайной пропаже? И штатм спонтанно сработает? Что будем делать?

– Сначала пусть подтвердится, – холодно ответил Генерал. – А что делать, ты и сам знаешь. Выследим тварь или тварей и уничтожим. Не впервой.

Да уж, не впервой... Даже на пустынном Полигоне за эти уничтожения пришлось платить многими жизнями, а что начнется в густонаселенных местах, лучше не думать... Генерал, похоже, и не думает. Заранее планирует неизбежные потери с безразличием полководца, посылающего на смерть полки и батальоны...

Что же, может, это и правильнее, чем впадать в истерию, как Доктор...

– Значит, так, – стал закруглять разговор Генерал. – Сейчас возвращаешься, на все запланированные мероприятия даю добро. Начни с Вивария, если кто станет копать – там шансов засветиться куда больше. Постарайся все, что можно, отработать побыстрее. Возможно, на днях предстоит командировка.

– Куда? – не удержался от недоуменного вопроса Капитан, хотя жизнь давно отучила от излишнего любопытства. Но командировка в такой момент...

– В Голландию. Они там, похоже, не поняли, с кем имеют дело. Считают нас не то изобретателями-одиночками, полусумасшедшими гениями, не то подыхающими с голоду российскими учеными, готовыми продать все что угодно за пару тысяч зеленых. И относятся соответственно, хотят хапнуть все, сразу и почти бесплатно. Сам понимаешь, что представляться по полной форме нельзя... Поэтому проведешь инсценировку. Создашь впечатление, что мы серьезные люди из криминального мира, получившие доступ к дорогостоящим секретам и задешево их отдавать не желающие. И шутки шутить с нами опасно. Демонстрация должна быть бескровной, но эффектной. К примеру, взорвать пару «мерседесов» наших потенциальных партнеров. Без седоков, разумеется... Они там в своем сытом и сонном болоте к таким вещам не привыкли, должно хорошо подействовать...

– Оборудование для демонстрации тащить через границу?

– Не стоит, да и времени нет надежный провоз подготовить... Возьмешь с собой Деточкина. Он тебе из подручных материалов хоть ядерный заряд сварганит...

Вот так. Деточкин сварганит, это точно, из чего угодно – из порошковой краски, из цветочного удобрения, из модельки радиуправляемой... Но командировка, ясное дело, предстоит не «возможно», а совершенно точно. Генерал все продумал и просчитал и менять свои планы из-за пропажи 57-го не намерен.

Лишь бы он спланировал все так же безошибочно для пропавшего контейнера. Генерал словно прочитал его мысли:

– Поезжай спокойно. За 57-й не волнуйся – все что можно я сделаю. Был в семьдесят восьмом году на «Векторе» под Новосибирском точно такой случай. А тогда даже название «Вектор» употреблять нельзя было, не говоря уже о профиле их работ. Это сейчас журналисты в спецхранилища лазают и телезрителей видом колб с чумой и оспой пугают... А тогда приходилось искать, ничего не объясняя девяносто семи процентам ищущих. И ничего, нашли. Так что опыт есть, не беспокойся...

Капитан и рад бы был не беспокоиться.

Не получалось.

Глава VI

Исчезла не только одежда – заодно бесследно сгинули кроссовки, в которых Колыванов был вчера вечером. В общем-то ерунда, мог от такой дозы начать раздеваться где угодно: хоть в гараже, хоть наверху, в круглом помещении декоративной башенки, – раздеться и напроочь забыть про это. Да и шмотки были не ахти, так, по большому счету дачная спецодежда, и ничего особо ценного в карманах не было...

Хуже, что пропал «ролекс» с руки – и утративший чувство времени Колыванов не мог даже приблизительно определить, который час.

А маятниковый раритет в спальне, куда он вернулся, вообще показывал что-то несуразное – половину третьего. И еще была тут какая-то странность... Ага! Вот оно что... Колыванов опустился на незастеленную кровать, он уже оделся в найденные в шкафу джинсы и растянутую бесформенную футболку, носков пока не нашел, но сейчас было не до них...

...На резной боковой поверхности старинных часов, обращенной к кровати, играл на свирели бородастый, рогатый и козлоногий некто – не то дьявол, не то греческий сатир. А может, и фавн, кто их там разберет...

Этот деревянный барельеф был первым, что видел Колыванов, просыпаясь на даче; он знал наизусть каждую деталь композиции – и вот сейчас она изменилась. Свирель козлоног по-прежнему держал в руке, но губы ее уже не касались – голову фавн повернул назад, смотрел издевательски на Колыванова и ухмылялся полуоткрытым ртом с торчащими длинными зубами. Здравствуй, белая горячка... Кому-то видятся зеленые чертики, а у нас вот оживают деревянные... Но это тоже весело.

Он протянул руку, приблизил ее к сатиру, но несколько секунд не решался дотронуться до темного дерева пальцами.

Все-таки прикоснулся – дерево как дерево, гладкое и приятное на ощупь, кажется даже чуть теплым... Крепко зажмурил глаза и резко помотал головой, тут же пожалев об этом движении; снова открыл – в наглой ухмылке дьявола-галлюцинации ничего не изменилось. И в положении рогатой головы тоже. Ладно, пускай это будет дежа-вю. Самое обыкновенное дежа-вю. Алкогольное...

А фавн всегда именно так и сидел...

Кстати, а где же Саша? Колыванов прошел наверх, в его комнату: кровать разобрана, на столе чехол от плеера и пустой футляр от кассеты. Децл. Звучит как диагноз, подумал Колыванов:децл головного мозга...

Подумал и сам удивился – народная терапия лечила без осечек, жизнь на глазах вливалась в тело и в мозг, только что умиравшие, вот и способность шутить вернулась... Рядом на столе тикает будильник, поставленный на шесть утра, одежды и удочки нет... Но сколько же сейчас времени, неплохо бы узнать... Тьфу, черт...

Колыванов хлопнул себя по лбу и вернулся от двери к столу, взял в руки будильник. Будильник показывал без четверти три. Однако... Судя по всему, сегодняшний карасинный клев достоин Книги рекордов Гиннесса...

Он спустился в гостиную. Спустился и застыл соляным столбом, прикованный к месту небывалым и странным зрелищем: это была не его гостиная, это было совершенно чужое и незнакомое помещение.

Колыванову стало страшно.

Прислонившись спиной к резному деревянному столбику лестницы, он выхватывал взглядом отдельные предметы обстановки: вот стол, широкий, на большую компанию стол, – сделан по собственному чертежу, дерево слегка обожжено паяльной лампой и покрыто лаком; вот такие же стулья – массивные, с высокими резными спинками... Вот тупо пляшут со стены

широко раскинувшая рога голова лося, подвернувшегося под пулю Колыванова на облавной охоте...

Все было напрасно.

Голову, стол, стулья, да и остальные предметы он узнавал – с трудом, но узнавал, – а все вместе было чужое.

Прижав ладони к вискам, глядя под ноги, только под ноги, ни взгляда по сторонам, он пошел к полуоткрытой входной двери, твердя как заклинание, как бессмысленный детский стишок: дежа-вю, дежа-вю, дежа-вю...

Но это было не дежа-вю.

Все рушилось к чертям. Пятнадцать лет работы, пятнадцать долгих и тяжких лет – а последние восемь из них вообще были постоянной эквилибристикой на лезвии ножа, – все шло псу под хвост. Даже не псу, а объекту.

А из-за чего?

Банальная российская расхлябанность. Бездарность помощников, заменить которых нет никакой возможности – даже уволить никого нельзя, из узкого кружка посвященных всегда было два пути: один к победе – тихой, без фанфар, литавр и публичных вручений наград и премий, – но имеющей свою цену в твердой валюте. Немалую цену.

Второй путь – в Виварий, в клетку с серебряными прутьями.

Теперь появился и третий вариант. Какое там, появилась целая куча вариантов... Во-первых, скандал может получить широкую огласку, проныры-щелкоперы не знают никакого удержу, за спиной у них стоят медийные концерны и холдинги, не привыкшие считать деньги в погоне за сенсациями. И кто-то из знающих может предпочесть синицу в руках...

Даже если быстро ликвидировать источник утечки, джинна обратно в бутылку уже не загонишь... Это будет конец всему, более идеального козла отпущения, чем Генерал, трудно и придумать...

Во-вторых, бомба может взорваться неслышно, все останется за стенами пары родственных организаций. Вполне вероятная возможность, если вдуматься... Толковые головы в Конторе остались, достаточно дать только ниточку...

Самое поганое, что бумаги при достаточно развитой бюрократии начинают вести самостоятельную псевдожизнь: размножаются не то делением, не то почкованием, мигрируют порой весьма загадочными путями... И как ни старался Генерал уничтожить всякое упоминание о работах на приказавшем долго жить Полигоне, не было никакой уверенности, что где-то не лежат документы, избегнувшие массовых аутодафе девяносто первого года.

Если их прочтут и выяснят, какую тему он втихую приватизировал в сумятице реорганизаций, переименований и дроблений Конторы, финал ясен: естественная и внезапная смерть от инфаркта или в автокатастрофе. Портрет в черной рамочке при входе в Лабораторию, и у «Проекта-W» появится новый куратор.

Подавляющее большинство сотрудников, надо думать, и не поймет, что произошло, – будут работать, как работали, каждый над своим кусочком проблемы, не складывающимся в цельную картину... А те, кто поймет, такие как Капитан, тоже не заживутся...

Генерал медленно протянул руку и снял трубку с телефона. Подержал несколько секунд и осторожно положил обратно.

В Конторе были два человека, сидевшие выше его и знавшие, чем занимается Лаборатория. Знавшие, разумеется, неофициально. Визирующие липовые планы и отчеты по относительно безобидным исследованиям – но всегда готовые принять участие в дележе дивидендов, кои должна была принести главная, скрытая от всех тема.

В их негласно определенные обязанности входило прикрытие Генерала и Лаборатории в случае возможных неприятностей. Весь вопрос в том, сочтут ли они неприятностью исчез-

новение биологической бомбы средней мощности? Или посчитают это за катастрофу, после которой легче и проще плюнуть на возможные прибыли и списать в расход и Генерала, и всю его затею?

Стоп, сказал себе Генерал. Я заразился от этих паникеров... Зачем во всех построениях исходить из того, что бомба непременно взорвется? Ведь может, может проклятый контейнер с 57-м кануть тихо и бесследно, как пятак, выпавший в прореху кармана... Или, на худой конец, появятся один-два объекта, которых можно будет без огласки ликвидировать и забрать трупы для исследования в Лабораторию...

Нет, этот вариант слишком хорош, чтобы рассчитывать дальнейшие действия, исходя из него... И все же он единственный, дающий неплохие шансы.

Итак: составленный много лет назад именно на такой случай план мероприятий в действие не приводить; при осложнениях задействовать старших коллег-нахлебников втемную, ни в коем случае не открывая весь расклад. Привлечь на самом раннем этапе – так, чтобы увязли как можно глубже, чтобы дрались за проект в полную силу, чтобы боялись потерять все...

А на самый крайний случай подготовить безопасную дорожку для отхода... Экс-специалисты тайных войн живут порой за бугром не так уж и плохо, мемуары пописывают... Если их не найдут и не уничтожат... Не об этом, конечно, мечталось, но...

Он открыл тощую синюю папку, освободил зажим. Покрытые густой машинописью листки – секретный план оперативных мероприятий с привлечением всех возможных служб – исчезали в тихо жужжащей бумагорезке.

Генерал смотрел на растущую кучку бумажной лапши и думал, что время планов прошло, что придется отвечать на подкидываемые жизнью проблемы сплошными импровизациями.

Экспромты и импровизации он ненавидел.

На самом деле день не был пасмурным, лишь показался таким проснувшемуся Колыванову – солнце, клонясь к закату, светило с другой стороны дома. И сейчас резануло по глазам, привыкшим к полумраку гостиной.

Вышедший на крыльцо Колыванов зажмурился и вполголоса взвыл. Черт, почти как на родине, в Волгоградской области, в знойном и прокаленном июле... И жажда точно такая же... Он дернулся было назад – надеть солнцезащитные очки, но тут же передумал затевать еще одни поиски. И двинулся к пруду, не глядя по сторонам и ничего не замечая вокруг в слепящем глаза сиянии.

Вообще со зрением Колыванова творилось нечто странное, многого он сегодня не видел – ни липких глинистых следов на крыльце и полу гостиной, ни валявшейся чуть в стороне от крыльца собственной джинсовой рубашки (точнее, рваных клочьев, в которые она превратилась), ни своих грязных и исцарапанных босых ног.

Или не хотел видеть.

Или не мог.

А солнце, кстати, ничем о Сахаре или Каракумах и не напоминало – нежаркое ласковое майское солнце, светящее сквозь легкую дымку-мареву...

Колыванов брел медленно, опустив взгляд, прикрывая лицо ладонью. Яркий блеск под ногами заставил нагнуться – надо же, часы... Только несколько секунд спустя понял, что это его «ролекс». Или все же чужой? Перевернул тыльной стороной, долго всматривался в дарственную надпись – буквы упорно не складывались в слова, словно за одну ночь он напрочь позабыл грамоту... Металлический браслет, по уверениям рекламы – не способный порваться ни в какой ситуации, лопнул-таки пополам – Колыванов, не обратив на это внимания, равнодушно сунул «ролекс» в неглубокий задний карман. Часы тут же выпали, незамеченные, – было не до них.

Приступ повторялся...

Глава VII

На этот раз болели не только зубы, отдавая толчками в голову, хотя и началось опять с челюстей. Все кости: руки, ноги, позвоночник, ребра пронзило крайне неприятное ощущение – словно их вытягивали на дыбе. На дыбе, понятно, ему висеть не приходилось, но сломанная в десятом классе нога Колыванова, помнится, испытывала на вытяжке как раз такие ощущения.

Вернуться, скорее вернуться к проверенному лекарству – он уже развернулся и поспешил обратно к дому, но тут же остановился, донельзя удивленный – боль была какая-то не такая.

Неправильная.

Казалось, вернулись ощущения позабытого было, но сейчас всплывающего в памяти сна: собачьи клыки рвут тело, он все чувствует и понимает, что должно быть больно, и это действительно больно – но боль существует только в мозгу и только как понимание – не раздражает и не выворачивает наизнанку нервные окончания...

Примерно так все происходило и сейчас – организм исправно сигнализировал, что с ним не все в порядке, что происходит что-то неладное; мозг исправно принимал и фиксировал эти сигналы... И все. Ничему, по большому счету, такая псевдоболь не мешала. Колыванов не стал анализировать странные ощущения и задумываться, следствие это или нет алкогольной анестезии.

Просто поспешил к пруду...

Удочка тихо и спокойно лежала на воткнутой в берег рогульке. Казалось, рыболов наживил и забросил ее, отойдя по спешному, но недолгому делу.

Этим мирная картина и исчерпывалась. Матерчатое сиденье опрокинутого складного стульчика разодрано пополам; круглая коробочка с червями втоптана в прибрежную грязь. Рядом валяется трехлитровая стеклянная банка – вода давно вытекла, два тускло поблескивающих карасика с палец размером не шевелятся...

Колыванов с трудом сглотнул комок в горле – жажда усиливалась, язык и небо казались облепленными раскаленным наждаком. Он едва удерживался от дикого желания опуститься на колени и напиться воды из пруда – сладковато пахнувшей илом и покрытой кое-где крохотными островками ряски. Он смотрел на эти островки, медленно дрейфующие по ветру, – смотрел долго, очень долго. Потому что не хотел обернуться и...

И все-таки повернулся и пошел к самому дальнему концу участка, где сквозь бурые стебли прошлогодней полыни что-то смутно синело.

Куртка, это Сашина куртка... ему надоело ловить малявок, солнышко припекло, сбросил куртку и убежал играть к Бойчевским... у них там мальчик и девочка, почти ровесники Саши... заигрался... там и пообедал... пора звать домой...

Это была Сашина куртка. Но он ее не скидывал и к Бойчевским не убегал. Когда Колыванов увидел то, что увидел, ему захотелось встать на четвереньки и завывать во весь голос.

Так он и сделал.

– Это еще кто? – по привычке спросил у Филы Горянин, увидев выходящую из колывановского дома сильно ссутуленную, даже сгорбленную фигуру.

Фила, ясное дело, ничего не ответила. Горянин заглушил двигатель, выпустил из салона собаку. Незнакомец направлялся в их сторону. Фила, засидевшаяся в машине, рванула куда-то в глубь участка.

Хм... Миша вроде не собирался сегодня привозить строителей, подумал Горянин. Тяжело перешагнувший оградку человек приблизился, и Денис с удивлением узнал Колыванова. Даже не столько узнал, сколько угадал в искаженных чертах. Мелькнула шальная мысль, что у Миши Колыванова, учредителя и директора торговой фирмы «Орион-Трейд», есть брат-близнец, существование коего он тщательно скрывал от Горянина все пятнадцать лет знаком-

ства. И этот блудный родственник объявился после недельного, а то и больше, запоя – грязный, обросший, пошатывающийся, с воспаленными глазами... Сильно исцарапанный – колючая щетина на подбородке в запекшейся, почерневшей крови. И босой. Но это был Миша. Чужой и совершенно на себя не похожий. Алкогольный перегар ощущался метра за три – и еще какой-то резкий, незнакомый и неприятный запах...

Когда же он успел так обрасти? Вчера ведь, кажется... – Мысль эту Денис не успел додумать, потому что Колыванов открыл рот и произнес одно-единственное слово:

– Пойдем!

Горянин подавился шутилой фразой о затянувшемся банкете – так поразил его этот голос. Сказать, что он был не похож на обычный голос Миши, – не сказать ничего. Он вообще ни на что не был похож. Хотя, впрочем...

...Когда-то давно, мальчишкой, Денис Горянин видел чудо-собаку. Ее показывали, как большую диковину, в его любимой передаче «В мире животных». Собака... умела говорить! Ну, не вела, конечно, светские беседы и даже не могла, подобно попугаям, выдавать связные фразы – но «произносила» десяток простейших слов: «мама», «дай!», «Ада» – так звали эту овчарку-суку.

На Горянина в отличие от умилявшегося ведущего речи собаки произвели неожиданно тягостное впечатление – гортань, не предназначенная природой для подобных упражнений, выдавала звуки жутковатые, пугающие гораздо больше лая, воя или рычания... Ту передачу Денис не забыл до сих пор – и сейчас голос Колыванова вдруг напомнил ему мертвящие и страшные собачьи слова...

И как эхо его мыслям раздалось рычание – на этот раз самое настоящее рычание, – приглушенное и злое. Горянин глянул через плечо. Филя, убежавшая было по своим собачьим делам, сейчас вернулась и рычала – не подходя близко, прижавшись к земле, вздыбив шерсть на загривке...

Рычала на Колыванова.

Денис застыл в странном оцепенении, не произнося ни слова – не понимал, что сейчас надо сказать и что можно сделать, – и пораженный непонятно откуда надвигающимся предчувствием чего-то нехорошего. Непонятного и опасного.

Тогда Колыванов повторил то же слово тем же голосом:

– Пойдем! – и ухватился грязными пальцами с обломанными ногтями за рукав Горянина. Жест был неловкий, натужный – простейшее движение кисти далось Мише с большим трудом. Это походило на пластику человека, заново осваивающего руку после сложнейшего перелома и нескольких месяцев в гипсе.

Он тянул Горянина настойчиво и сильно, и тот пошел за ним, не понимая, куда и зачем идет, – пошел для того, чтобы не услышать еще раз просьбу, высказанную этим мертвым и мерзким голосом.

Филя двинулась за ними – в некотором отдалении, по-прежнему прижимаясь к земле, негромко и злобно рыча.

...Замызганное и потертое брезентовое полотнище к земле не прилегало, опираясь на обломанные стебли бурьяна. И все равно Колыванов ухватился за его край удивительно легко – не сгибаясь и не наклоняясь, лишь чуть согнув ноги в коленях. Где он взял эту грязную тряпку? – удивился Горянин, как будто ничего более странного вокруг не было. Но непонятного, тревожного было столько, что мозг поневоле ухватывался за не важные и вполне объяснимые детали – словно достаточно ответить на эти вопросы – и все остальное встанет на свои места, сделается простым, понятным и правильным...

Спустя секунду у него уже не осталось ни одной связной мысли, потому что Колыванов отдернул брезент. Под полотнищем был Саша.

– У-у-а-а-э... – простонал Горянин, связки его оказались не в силах выдать что-либо членораздельное...

Что мальчик мертв, видно было с первого взгляда. Не просто мертв – Саша был убит, убит с ужасающей, непредставимой для нормального человека жестокостью.

На изломанном, истоптанном, залитом спекшейся кровью бурьяне лежало, по сути, даже не тело, а его изуродованные фрагменты, кое-как сложенные вместе, – и, как в собранной небрежной рукой детской мозаике, многого не хватало...

Глотка зияла рваным провалом, и от него тянулось в сторону что-то длинное, даже на вид неприятно-скользкое; не было правой руки – кисть и остаток запястья с торчащими белыми обломками кости приложены к превращенным в лохмотья остаткам плеча; левая на месте, но из бицепса вырваны, выдраны, выкушены большие куски – вместе с ключьями рубашки и синей куртки.

Следы укусов, следы зубов, повсюду на относительно уцелевших участках тела, – одни неглубокие, цепочки небольших ранок, другие – безжалостные, разорвавшие мышцы и связки на кровавые ошметья... Уцелело лицо – до неузнаваемости искаженное, смятое, перекошенное...

Горянин, парализованный и онемевший, автоматически перевел взгляд с Сашиного лица ближе, на кошмарное месиво, недавно бывшее животом мальчика, – и тут его внезапно и мгновенно, без всяких предупреждающих спазм, вывернуло наизнанку. Желудок и пищевод рвали жесточайшие судороги – и так же рвался и корежился окружавший Дениса Горянина мир.

Все вокруг помутнело и окрасилось в розовый цвет. Согнувшийся, скорчившийся Горянин пытался смотреть в сторону и видел все боковым зрением.

Колыванов полностью сдернул в сторону полотнище и поднял лежавшую тут же охотничью многозарядку «Сайга» – она казалась неуклюжей и толстоствольной пародией на автомат Калашникова. И держал ее Колыванов неуклюже, как будто сей предмет впервые оказался у него в руках. Но движения, при всей неловкости, были вполне уверенны и целенаправленны, словно он без страха и сомнений делал то, что давно решил и хорошо обдумал...

Денис, продолжая сотрясаться в рвотных конвульсиях, понял, что надо крикнуть, броситься, остановить друга... нет, уже не друга, уже чужого и смертельно опасного человека... понял и не успел сделать ничего.

Колыванов выстрелил.

Глава VIII

«Абонент не отвечает или находится вне зоны приема...» – Голос у телефонной барышни был мягкий и нежный, излучавший и благожелательное отношение к звонившему, и искреннее сочувствие, и сожаление о невозможности помочь в данной ситуации; мало того, во всей фразе слышался глубоко спрятанный эротический подтекст, намекавший: как жаль, что я сейчас так занята служебными обязанностями, вот если бы вы позвонили вечером...

Словом, чудесный был голос, только за него легко можно влюбиться в невидимую собеседницу...

Катя Колыванова в телефонную барышню не влюбилась – наоборот, тихо выругалась, услышав одни и те же слова в восьмой и девятый раз за сегодняшний день. Сексапильная девица ничуть не обиделась и повторила ту же фразу по-английски, причем эротики в голосе добавилось...

Кате хотелось с хрустом шмякнуть трубку на рычаг, но она заставила себя сделать это аккуратно и медленно, подавив фразу, обвинявшую авторшу ни в чем не повинной записи в чрезмерной и беспорядочной половой жизни... Опустила и сама удивилась – всегда считала себя спокойным человеком с крепкими нервами (и вполне обоснованно).

Но такого за четыре года ее жизни с Михаилом не бывало. Никогда. Сотовая связь на их даче работала стабильно, и Колыванов не имел обыкновения надолго расставаться с мобильником – таскал с собой и за грибами, и на охоту, и на рыбалку.

Катя не знала, что и подумать. Хотелось бросить все дела в городе и отправиться в Александровскую немедленно, а не воскресным утром, как планировалось.

Останавливало только одно – мысль о том, как она будет выглядеть в глазах мужа, причмавшись из-за случайной поломки трубки или не заряженной вовремя батареи. Других вариантов в голову не приходило, ни на секунду она не заподозрила, что Миша мог отключиться специально, занимаясь делами, исключаяющими ее даже телефонное присутствие... Все эти годы их совместная жизнь строилась на полном доверии – и поводов для подозрений не бывало. Ни разу.

В тихой и спокойной, обжитой Александровской никакой беды случиться не могло, в этом Катя была уверена. Да и произойди какое ЧП, у соседей достаточно телефонов – и обычных, и сотовых. Все так, но тревога никуда не исчезала. Полтора часа назад она позвонила Бойчевским – дачным соседям, живущим через дорогу. Бойчевские куда-то уехали, оставив на хозяйстве слегка глухую и изрядно придурковатую бабушку. От нее удалось выяснить, что Михаил с Сашей вчера благополучно приехали и вроде бы не уезжали, вроде бы свекровь Бойчевская видела их на участке... По всему судя, видеть старушка могла их и месяц назад... Но Катя немного успокоилась и решила отменить экстренную поездку.

Этого решения она не смогла простить себе несколько месяцев...

Тогда же она связалась с Горяниным – но тот был в городе, обещал подъехать в Редкое Кузьмино через час-другой, узнать, что у Миши с телефоном, и перезвонить. Прошло полтора часа. Звонка не было.

Она ждала с чувством досады и некоторого смущения – всю жизнь смотрела с превосходством на глупых жен, пытающихся контролировать каждый шаг мужа и не понимающих, что короткий поводок хорош, только пока не оборвался, а затем оборвавший его навсегда уходит...

Звонка не было.

Тревожная неуверенность изматывала.

Катя вновь позвонила Горянину...

Неплохо стрелявший на охоте Колыванов сейчас почти промахнулся – тугой конус летящей картечи зацепил Филу самым краем.

Она пыталась встать, ничего не получалось – задние лапы подламывались. Истошный вой сменился жалобным повизгиванием.

– Т-ты-ы-ы!!! – закричал Горянин, он хотел крикнуть многое: что Филя тут ни при чем, что она в жизни не тронула ни одного человека и дружила с Сашей, что последние сутки она провела у него на глазах и не могла... Не успел.

Колыванов выстрелил второй раз.

Теперь картечь кучно легла куда надо – под левую лопатку, как раз туда стреляют волков и других хищников. И собак, если их приходится убивать.

В ушах стоял гул от рывкнущих выстрелов, двенадцатый калибр не пистолет и не карабин, бьет по барабанным перепонкам основательно. Предсмертного визга Филы Горянин не слышал, но все и так было ясно – рыжая шерсть густо окрасилась кровью, задние лапы быстро заскребли по земле и замерли, вытянувшись...

Поздно кричать об ошибке и вырывать ружье из рук, поздно обвинять Колыванова в убийстве добродушной, ни в чем не повинной Филы, так и не понявшей, за что ее убивают...

Филе уже не помочь... надо думать о живых... Мишка совсем сдвинулся, и это понятно... у любого крыша съедет от такого... а Катя, как же теперь ей... и какая же тварь это сделала... За этими мыслями Горянин почувствовал, как ни странно, нешуточное облегчение: все непонятное в поведении друга объяснилось – пусть страшно и мерзко, пусть ценой гибели любимой собаки... да черт с ней, в конце концов, когда тут такое...

А мир вокруг изменился, мир был не тот, что минуту назад. Из мира напрочь исчезли все звуки и все движение, все застыло, как на остановившейся кинолентке: Миша с неловко зажатой «Сайгой» в руках; сам Горянин, до сих пор оглушенный, делающий глотательные движения, пытаясь хоть что-то расслышать отходящими ушами. И два трупа, два неподвижных окровавленных трупа.

Первым звуком, который услышал Горянин, было мелодичное мяуканье мобильного – и в застывшей тишине прозвучал он сюрреалистично. Денис машинально потянулся к трубке, отведя взгляд от Колыванова.

А когда через долю секунды повернулся обратно, встретился глазами с провалом ружейного дула – с черной и бездонной дырой. Не было никаких драматических пауз, никаких прощальных слов. И вся минувшая жизнь не промелькнула в этот момент перед мысленным взором Горянина. Из ствола вырвался сноп пропитанного свинцом пламени.

Больше Денис Горянин никогда и ничего не увидел.

Как впоследствии выяснилось, в этой части поселка выстрелы слышали многие. И никто не обратил внимания – стрельба по выходным не была таким уж редким событием. Многие из новых обитателей Редкого Кузьмина, расслабившись под шашлычок с коньячком, устраивали образцово-показательные стрельбы из газового оружия. И не только из газового. Опять же их отпрыски со сверхмощными петардами и ракетами... Интересоваться после пары-тройки громких хлопков, что происходит за высокими оградами соседей, считалось дурным тоном.

* * *

Рот Горянина раскрылся в беззвучном крике не то удивления, не то возмущения; глаза тоже были широко раскрыты.

А выше глаз ничего не осталось – выстрел в упор снес всю верхнюю половину черепа, от самых бровей. На груди Дениса лежала морда и передние лапы Филы – Колыванов подтащил ее изрешеченное тело и небрежно бросил между Горяниным и Сашей. Казалось, мертвая собака ищет помощи и защиты у мертвого хозяина, или наоборот – безуспешно пытается заслонить его от смертельной опасности.

Колыванов хотел опять прикрыть их брезентом, но забыл, как забывал сегодня многое, – торопился к дому.

Закатное, но по-прежнему убийственное солнце безжалостно гнало его в спасительный полумрак.

Бывавшие в уютном доме Колыванова не узнали бы сейчас разгромленное жилище: пол завален опрокинутой мебелью и разбросанными вещами, стены изрешечены картечью.

Украшавшая гостиную голова лося валялась под ногами бесформенной и разрозненной грудой шерсти, набивки и обломков рогов: недавно проклятое чучело посмело обратиться к Колыванову с нелепыми и страшными обвинениями – но он быстро заставил его заткнуться тремя выстрелами в упор.

Колыванов не думал о том, что убил лучшего друга, – на фоне всех диких и кошмарных событий сумасшедшего дня это было мелочью, не достойной внимания. Остатки его сознания терзала одна, самая главная и важная мысль: Что я скажу Кате, что я скажу Кате, что я скажу Кате...

Жажда донимала постоянно, он уже свыкся с ней, подобрался к крану, до конца не завернутому, наклонил голову... Долго и жадно ловил губами тонкую струйку воды...

Что-то подвернулось под босую ступню – что-то теплое, живое и, несомненно, опасное, сегодня все вокруг было смертельно опасным.

Он судорожно отдернул ногу и посмотрел вниз, отпрыгнув на безопасное расстояние. На него смотрел глаз, лосиный глаз, как-то уцелевший в разнесшем чучело свинцовом граде. И это была не вставленная таксидермистом стекляшка – настоящий живой глаз с мутным зрачком и белком, налитым темной венозной кровью. Глаз моргнул и уставился на него тяжелым ненавидящим взглядом.

Колыванов зарычал и надавил на спуск. «Сайга» не выстрелила, патроны в обойме кончились. Тогда он с размаху ткнул стволом в проклятую зенку, промахнулся, ткнул еще – попал с третьего раза. Глаз лопнул, взорвался с мерзким хлопком. Забрызгал кровью – липкой и горячей, как кипяток, – лицо Колыванова.

Он слизнул попавшую на губу каплю и застыл, пораженный ужасной мыслью: Горянин и Фила не умерли, конечно, нет, сегодня весь мир сошел с ума, враги стали неуязвимы и бессмертны, конечно, они не умерли, они идут сюда – их кошмарные окровавленные пасти оскалены, они уже за дверью, сейчас ворвутся и растерзают его, как растерзали Сашу...

Он без разбега, с места, перемахнул одним прыжком разоренную гостиную и вцепился в дверь; скрюченные пальцы без толку возились с замком – как и все вокруг, тот зажил своей, враждебной Колыванову жизнью. А Фила с Горяниным были уже у самой двери, он хорошо слышал их хриплое тяжелое дыхание...

Коротко взыв, он попытался выстрелить через дверь, забыв, что расстрелял все патроны; развернулся и понесся вверх, в свою комнату, к оружейному ящику, из которого два часа назад достал «Сайгу»...

Мертвецы дышали в затылок.

Глава IX

– Куд-да, сука?! – рыкнул Хрущ, откидывая ударом подкованного ботинка наладившегося было к двери пленника. Тот отлетел к выложенной белым кафелем стене бокса, не удержался на ногах, завалился набок и предусмотрительно скорчился, прикрывая руками голову.

Был он оборван, небрит и грязен, левый глаз украшал огромный застарелый фингал. Прокисшая вонь шибала в нос за несколько метров, защищая обладателя сей ауры не хуже, чем американского скусна-вонючку, – приблизиться без крайней необходимости к этому типичному, прямо классическому бомжу нормальный человек не рискнул бы.

Но Хрущ не страдал от излишней брезгливости. Он надвинулся на неудачливого беглеца, навис над ним всей своей массивной, бесформенной тушей и с наслаждением врезал ногой по ребрам.

– Побегай, б... у меня... – Второй удар, в копчик. И еще, и еще. От разделявшей помещение стеклянной перегородки спешил Го-Го, тоже не дурак попинать кого ногами.

В промежутках между ударами бомж пытался проверещать, что он все понял, что он никуда не собирался убегать и впредь такие мысли даже случайно не забредут в его зашивевшую голову. Потом замолк, лишь поскуливал, как бездомная собачонка, не имеющая сил ни бежать, ни огрызаться...

– Отставить! – Команда прозвучала негромко, но резко, и вошедшие в раж напарники среагировали мгновенно, остановившись на половине замаха.

С улицы в бокс зашел Капитан – в штатском костюме (случай уникальный!), в легком бежевом плаще.

Обладая Хрущ способностью логично мыслить, анализировать и сопоставлять факты – неурочное и необычное появление в Виварии Капитана в сочетании с сегодняшней ночной тревогой его бы по меньшей мере насторожило.

Но Хрущ ничем таким не обладал и испугался одного – как бы не пришлось отвечать за порчу кандидата в объекты. Капитана он боялся до дрожи в коленях и сейчас невнятно рапортовал, вытянувшись в струнку:

– Бежать... намылился... едва у двери перехватили... но мы все по инструкции... один здесь, другой за дежурным... врезал по почкам, падла... и бежать...

Хрущ самую малость преувеличивал. Неизвестно, что там себе подумал бомж, оказавшись вместо родного приемника-распределителя в непонятном заведении явно с медицинским уклоном. Может, вспомнил известные страшилки об охотниках за органами и вообразил, что на его прогнившую требуху сейчас покусятся скальпели хирургов-сидистов? Не так уж и далеко от истины...

Как бы то ни было, в бега бомжик ударился без нападения на конвоира – пытался тихо выскользнуть, воспользовавшись тем, что Хрущ плотно увлекся обследованием стоявшего у клеенчатой кушетки шкафчика со стеклянными стенками...

Капитан не слушал Хруща, а тот продолжал бубнить дальше:

– Ну, мы, этого... из самообороны... немного... все равно зарастет скоро, как на собаке... Разрешите продолжать? В смысле, к дежурному...

Го-Го поддерживал доклад напарника мычанием и невнятными междометиями. По наблюдениям Капитана этот человекообразный индивид дара речи был лишен напрочь. Однако ходили слухи, что как-то, будучи под кумаром и возымев желание свести тесное знакомство с тетей Клавой – уборщицей предпенсионного возраста, Го-Го обнаружил наличие словарного запаса самое малое из десяти слов...

– Отставить, – оборвал Капитан излияния похожего на питекантропа подчиненного. – Больше нам такие не нужны...

Хрущ недоуменно уставился на него. В удивленно моргающих глазках с крохотными суженными зрачками читалось нечто, напоминающее умственную деятельность.

– Дак... что теперь... обратно в приемник?

Капитан задумался на несколько мгновений. Вероятность того, что в полуразрушенном стеклорезом и настойкой боярышника мозгу ханыги отложится визит в их заведение, достаточно мала. Еще менее вероятно, что он сможет поделиться воспоминаниями с кем-либо, кроме подобных себе организмов. Но даже такую ничтожную возможность следует отсечь на корню. И Капитан сказал жестко:

– Не надо. В пятый блок. Сразу.

В пятом блоке стояли мощные муфельные печи, превращавшие в мелкий пепел органические отходы экспериментов. Хрущ нервно сглотнул, переваривая услышанное – небывалое и страшноватое. Капитану казалось, что он слышит скрип несмазанных мозгов под чугунным черепом. И – толстые губы расплылись в радостной усмешке – сообразил, что развлечение предстоит почище того, что оборвал своим приходом начальник.

– Быстро и без шума, – бросил Капитан, внимательно глядя в бомжа, словно надеялся увидеть что-то, позволяющее отменить собственное распоряжение. Не увидел ничего – грязное животное, так и так не жилец, загнется где-нибудь в подвале от побоев или алкогольного отравления...

Капитан вытащил из внутреннего кармана плаща небольшой плоский футляр и молча протянул Хрущу. Тот оживился еще больше, радостно вцепившись в коробочку сарделькообразными пальцами; Го-Го, державшийся на протяжении их короткого разговора в отдалении, приблизился, тоже выражая радость какими-то звуками – не то мычанием, не то всхлипыванием...

...Хрущ, как и его напарник, сидел на весьма сложной смеси наркотиков, приготовляемой и отмеряемой для них лично Эскулапом, строго следившим, чтобы эти недоумки оставались в относительно работоспособном состоянии. Задумай Хрущ соскочить, дезертировать (Го-Го задумать ничего не мог по определению) – и на воле его не спасут от жесточайшей ломки ни новейшие синтетики, ни старый добрый герыч...

И Хрущ это знал. Не знал лишь, что в самом недалеком будущем им с Го-Го предстоит тихо и мирно умереть от передозировки – диагноз по нынешним временам банальнейший и ни малейших подозрений не вызывающий. Да и контактирующий с ними ссученный мент из приемника-распределителя не заживется – сверзится по пьянке с лестницы и сломает шею. Или полезет ввинтить сгоревшую пробку – с таким же летальным исходом. И с этой стороны на Виварий и Лабораторию никто уже не выйдет...

Капитан, неподвижно стоя у входа и стараясь дышать ртом, подождал, пока три ходячих мертвеца уберутся из бокса.

Медленно двинулся внутрь, внимательно глядя по сторонам, стараясь воспринимать все привычные, примелькавшиеся детали так, как будут выглядеть они в глазах человека нового и, вполне вероятно, настороженного, ищущего возможный след...

Уже через пару шагов остановился, зацепившись взглядом за украшавшие кушетку привязные ремни из толстой сыромятной кожи. Вдохнул, вынул из кармана записную книжку, сделал пометку и двинулся дальше.

Надо было спешить – день клонился к вечеру, а зачистка предстояла нешуточная.

По узкой крутой лестнице всего удобнее оказалось взбираться на четвереньках... Многозарядка мешала, путалась под ногами, но Колыванов вскарабкался – и ввалился в комнату, сразу бросившись за патронами...

Картонную пачку он кое-как открыл, буквально разорвав пополам, но юркие пластиковые гильзы немедленно разбежались по полу, хитрыми маневрами выскакивали из-под пальцев – и Колыванов слышал их тоненькое ехидное хихиканье.

Он изловчился, сделал обманное движение, бросился на них грудью и удачно ухватил зубами сразу две – так было гораздо ловчее. Оставалось запихнуть в обойму, тоже непростая задача... А на лестнице в любой момент могли раздаться страшные тяжелые шаги Горянина и мягкая, как подкрадывающаяся смерть, поступь Филы...

– Зачем тебе это? – прозвучал насмешливый голос. Колыванов, не поднимая головы от пола, глянул вверх исподлобья.

К нему обращался деревянный не то дьявол, не то фавн, украшавший часы. Свирель козлоногий куда-то дел и сидел на своем пеньке, полностью развернувшись лицом к Колыванову. Тому показалось, что издевательская усмешка дьявола стала чуть более доброжелательной, чем раньше.

– Ни к чему тебе это, – ответил фавн на собственный вопрос. – Ты и так замечательно умеешь убивать. Брось эту железяку, честное слово, брось...

Заткнись, подумал Колыванов, безуспешно воюя с обоймой. Попытался сказать это вслух – ничего не получилось, из глотки вырвалось хриплое рычание. Но сатир или в нем все же разобрался, или обладал способностью читать мысли.

– Фу-у, ну зачем так грубо... Я хотел помочь, всего лишь помочь. Посмотри, как легко у тебя получилось с сынком твоей ненаглядной... Все эти годы ты боялся даже про себя подумать о том, что он лишний, что он вам мешает. Отныне ты не будешь бояться ничего. Так просто – догнал, прыгнул и... хе-хе...

Колыванов выстрелил навскидку в омерзительную деревянную рожу (он и сам не понял, как успел запихнуть на место непокорную обойму). В закрытом помещении выстрел грохнул вовсе оглушительно, и на месте дьявола возникла рваная дыра с торчащими по краям щепками.

Козлорогого, впрочем, там уже не было – отскочил на другой край деревянной панели и как ни в чем не бывало продолжил разговор:

– Кстати, а ты не задумывался, чем она там занималась, пока ты развлекал ее щенка, возил на дачу и на рыбалку? Хочешь расскажу, кто в это время ее обхаживал? И ведь сегодня даже не позвонила, не узнала, как дела... Нет, тебе надо с ней разобраться. Ты сумеешь, я знаю. Вот завтра она придет и...

Он слушал внимательно и даже согласно кивал. А потом стремительно, неувовимо для человеческого глаза прыгнул вверх и вперед. Деревянный сплетник на этот раз не успел среагировать.

Челюсти Колыванова с хрустом сомкнулись на гнусном фавне...

Нет, это было нелакированное и пересохшее за век с лишним дерево. Зубы Колыванова почувствовали упругое, живое сопротивление застигнутой врасплох твари. И много еще чего успел он почувствовать за короткое мгновение своей смертоносной атаки: что сиденьем козлоногому служил сосновый пень и сосна была спилена недавно; что кусты, растущие на деревянной поляне чуть в отдалении, – лавровые и там, за кустами, невидимая из комнаты, спасается бегством стайка ланей, напуганных его яростным прыжком... Ему захотелось броситься вглубь, за ними и навсегда остаться там, на мягкой шелковистой траве, под солнцем, не грозящим свести с ума и выжечь глаза, остаться в уютном и тихом уголке, где нет спятивших агрессивных вещей...

Ушло все так же быстро и неожиданно, как и явилось...

Кем бы ни было деревянное существо, на этот раз он с ним покончил. Пенек был пуст, рядом валялась сломанная свирель... Колыванов довольно ухмыльнулся – нижняя губа сползла вниз, обнажив клыки, из горла вырвались звуки, отдаленно похожие на булькающий смех. На торчащие из губ окровавленные щепки он не обращал внимания...

Скоро они выпали, не оставив ранок.

Глава X

Спускаться по дурацкой лестнице было еще труднее, чем подниматься – но как-то он ее все-таки преодолел, может, скатился кубарем, может, лихо спрыгнул, приземлившись на все четыре конечности, – Колыванов сам не знал и не помнил, в ходе событий появились непонятные пробелы. Но сейчас в любом случае находился внизу, возле большого зеркала – за весь день он впервые приблизился к этому предмету обстановки, – и смотрел на собственное отражение, ожидая, что оно ему скажет. Что разговор состоится, он почему-то ни на секунду не сомневался.

Зеркальный двойник не обманул его ожиданий.

– Тебе не стоит подходить к зеркалам. – Голос казался удивительно похожим на голос убитого фавна, но звучал мягко, без ехидных ноток.

– Почему? – тупо спросил оригинал. Удивительно, гортань, язык и губы слушались великолепно, говорил он как обычно – а может, ему это просто казалось.

– Если начнешь всматриваться в свои глаза, в свою косматую морду – загнипнотизируешь сам себя и не сможешь оторваться. Так и погибнешь. – Ничего осуждающего в словах обитателя зеркала не было. Ничего сочувствующего, впрочем, тоже – простая констатация факта.

Косматая морда? Колыванов поднял руку и ощупал лицо, покрытое на удивление длинной, уже не колющей пальцы щетиной. Колыванов в зеркале не повторил этого жеста – он был чисто выбрит, бледен, под глазами лежали густые тени – такие густые, что казались нарисованными дешевым театральным гримом. Колыванов попытался заглянуть через его плечо – в Зазеркалье; Колыванов в зеркале услужливо отодвинулся.

А в Зазеркалье все было не так, как в окружающем Колыванова дурном и нереальном мире: через окна дом заливало солнце, утреннее солнце; вся мебель цела, и на стенах нет рваных следов картечи; в стоящей на столе Стеклобанке шевелят плавниками золотистые карасики; откуда-то снаружи доносится смех – звонкий смех Саши, мягкие прыжки Филы и ее добродушное ворчание...

– Все это ты убил. Ты... – Колыванов в зеркале говорил грустно, но не обвиняюще. – И Сашу убил ты...

– Я не убивал!!! – взревел Колыванов, хотел крикнуть, что это все Горянин и его свихнувшаяся сука, – и замолчал.

Он все понял: на самом деле в Зазеркалье был он. Невероятным образом его разум вселился в двойника, живущего в этом страшном мире... Или нет?

Или он никогда не был человеком, а всегда был фантомом здесь, в кровавой нереальности, – и сейчас неизвестно зачем обрел Сознание... Нет... Нет... Не-ет!!! Он Миша Колыванов, и он все помнит, и он не имеет отношения к здешней круговерти взбесившихся вещей и окровавленных трупов...

И есть только один способ это доказать...

Он поднялся с четверенек (когда, как на них опустился?), подтянул правую руку, ремень «Сайги» все еще стягивал запястье. Копируя его жест, Колыванов в зеркале быстро вскинул ствол.

Они выстрелили друг в друга одновременно.

* * *

Он успел первым – зеркало взорвалось и разлетелось сверкающим ливнем осколков, встречный выстрел ушел в никуда. Колыванов смотрел на открывшуюся деревянную стенную панель и медленно осознавал, что же он наделал.

А когда понял до конца – рухнул с диким воем на пол и забился в отчаянии среди обломков и осколков.

Это конец! Он был в полушаге от спасения, от двери, ведущей из этого свихнувшегося Зазеркалья обратно – в свой родной, уютный и спокойный мир. Был – и сам уничтожил единственную лазейку, навсегда замуровал себя здесь. Все было так легко – прыгнуть вперед, в зеркало, как прыгнул на деревянную поляну; вышвырнуть двойника-самозванца...

Колыванову хотелось выть – и он выл.

...Он оказался на улице, не зная и не понимая, как и когда выполз из дома. Солнце. закатилось уже больше чем наполовину, но напоследок решило доконать Колыванова. Он двигался, не открывая глаз, не мог открыть, почти полз по земле, крепко зажмурившись и медленно переставляя руки и ноги, – но тем не менее ничуть не хуже прежнего знал, что происходит вокруг. Возникшая на мгновение тогда, в схватке с сатиром, способность остро и ясно ощущать все на большом расстоянии вернулась.

Больше того, он знал не только что происходит вокруг, но и что происходило раньше: вот тут, слева, пробежала утром юркая мышь-полевка (это неинтересно, слишком мелкая...); вот тут он сам исходил участок во всех направлениях; а это что? – это следы того маленького человека, как там его звали, Колыванов не помнил, он уже почти ничего не помнил... Дальше, дальше... вот здесь, на берегу, челове-чишка долго сидел, затем вскочил и побежал...

Колыванов шел по следу. Он не понимал, что вело его вперед – не любопытство, нет, любопытства в нем уже не оставалось, как не оставалось других человеческих чувств. Но он упорно стремился туда, где пересекались в одной точке все невидимые глазу дорожки.

Вот и конец пути.

Он понимал все, что здесь происходило, ясно и четко, все до мельчайших подробностей, вплоть до того, куда отлетели выброшенные «Сайгой» стрелянные гильзы. И, конечно, сразу понял, кто убил Сашу, проклятая псина здесь ни при чем (о, как он ненавидит собак!), рыжая сука оказалась тут уже дохлой... Понял – но все равно не вспомнил, как он все сделал.

Зато сразу догадался зачем. И что за неведомая сила влекла его сюда: голод. Самый обыкновенный голод, про который он как-то позабыл... А ведь рядом еда, много вкусной еды...

Ничего неожиданного в открытии не было и ничего странного и пугающего, говорили же ему двойник в зеркале и деревянный дьявол...

На самом деле таких понятий, как «двойник», «зеркало», в том, что осталось от мозга Колыванова, уже не существовало – смутные, никак не называемые образы. Но с дьяволом что-то было связано, что-то важное, что нельзя забыть, нельзя, невозможно, смертельно опасно... о-о-о-а-

Дьявол – Катя, Катя – дьявол... Он неслся к дому длинными скачками, стелясь над землей, и повторял про себя последнее уцелевшее имя: Катя, Катя, Катя... Больше имен и слов не было, зато вставала зримая и яркая картина – Катя открывает калитку и заходит во двор, он смотрит на это снизу, из густой тени кустов, бросается вперед и...

Катя, Катя, Катя-я-я – имя удерживало оставшиеся крохи сознания на краю бездонной пропасти, готовой поглотить все: имя-соломинка, имя – тонкая нить, готовая вот-вот лопнуть.

Дверь, по счастью, оказалась распахнутой, сейчас он не справился бы с ручкой... Ворвался в дом, «Сайгу» искать не пришлось – обоняние тут же услужливо подсказало, где она брошена...

Клыки лязгнули по стволу, оставляя на прочнейшей оружейной стали глубокие вмятины. Колыванов запихал дуло глубже в и судорожно шарил передней лапой в районе скобы, пытаясь хоть как-то, хоть чем-нибудь, зацепить, нажать, дернуть спусковой крючок.

Последняя мысль у него была все та же: Катя, Катя, Ка...

Он не успел.

Крохотный островок сознания исчез – Миши Колыванова больше не было. Тело, мало похожее на человеческое, застыло, сомкнув челюсти на дробовике, и пролежало так больше часа.

Тварь зарычала и мотнула косматой башкой – гнусное, отвратно пахнущее железо вылетело из пасти и звякнуло об пол. Тварь освободилась от остатков тряпок, зачем-то опутывающих ее (ткань расплзалась, как гнилая мешковина), – и выскользнула из этого чужого и опасного логова на улицу, в тихую ночную прохладу.

Движения ее были легки, даже грациозны, не похожи на неуклюжие прыжки Колыванова. Но завывала на полную луну она точно так же – хрипло и торжествующе. Нырнула в темноту, через несколько мгновений перемахнула ограду и исчезла – ничего не помнящая и освобожденная от всего. И голодная, очень голодная...

Лежащие неподалеку останки оборотня не привлекали – непонятно откуда взявшийся инстинкт гнал на поиски живого, трепещущего под клыками мяса...

Папа Бойчевский резко вдавил тормоз, разбудив все семейство: сын и дочка спали на заднем сиденье, жена клевала носом на переднем – возвращались со слегка затянувшегося семейного пикника на водопаде в Саблино.

– Что, что такое? – встревоженно закудаhtала мадам Бойчевская, пытаясь повернуться к недовольно занывшим детям и не догадываясь расстегнуть мешающий ремень безопасности.

– Вроде собака... – протянул Бойчевский-папа. – Большая, не меньше ньюфа... Сама под колеса нырнула, похоже, зацепил чуть-чуть крылом...

Бойчевский, мягко говоря, слегка лукавил. Удар по корпусу машины был весьма чувствительный.

– Надо бы выйти, посмотреть... – добавил он неуверенно.

Не нравилась ему эта история. Хозяева сбитой на въезде в поселок собаки могли считать себя крутыми, очень даже крутыми, особенно в сравнении с ним, мирным коммерческим директором мирной обувной фабрики...

– Сиди уж, нечего тебе там смотреть, не театр... Езжай лучше быстрее, темень какая, двенадцатый час, дети толком не ужинали... – Мадам Бойчевская завелась надолго, и муж ее, на свое счастье, не стал настаивать.

...Тварь получила первый жизненный опыт – огнеглазое шумящее существо несъедобно, даже опасно, несмотря на то что сквозь вонь бензина и раскаленного металла пробиваются вполне аппетитные запахи. Платой за урок стала перебитая передняя лапа и три сломанных ребра. Но срасталось и регенерировало у вервольфов все почти мгновенно.

Всегда так, думал Бойчевский-папа под монотонное бухтенье супруги. Построишь домик на безлюдной, уютной окраине, не успеешь оглянуться – понаедут, понастроят, навезут зверообразных тварей, гуляющих по ночам без поводков и намордников... И начинается не жизнь, а черт знает что...

Как в воду глядел.

Часть вторая

ЛЕТО. НЕ ВСЕ ТВАРИ – БОЖЬИ

Глава I

В летний солнечный полдень:

– Ленка, Ленка! Давай сюда скорее! Во приколы, а? Прямо как настоящая... Я такую у Славки Шеркунова видел, так та еще отпаднее была – волосатая, с ногтищами окровавленными...

– Фу-у-у, грязная... – Леночка смотрела на находку старшего брата с безразличным любопытством, не решаясь притронуться.

– Выбросили, факт! – уверенно заявил Павлик с высоты своего восьмилетнего жизненного опыта. – Славка тоже все девчонок пугал на переменах, а потом взял и мамане своей подложил в холодильник... Выпорол и на помойку кинул – так и не нашел потом... Заначим, а?

Но Леночка уже бежала к машине.

– Мама, папа! Смотрите, что Павлик нашел!

Павлик припустил следом, пытаясь обогнать и первому похвастаться находкой.

Мама, раскладывающая на расстеленном покрывале провизию для пикника, и папа, накачивающий резиновую лодку, – обернулись! Не слишком-то заинтересованно – ну что там эти сорванцы могли раскопать в прибрежных кустах?

Но когда мама, зацепившись беглым взглядом за находку, сжатую в руке сына, взглядела повнимательнее – ей стало дурно. Совсем как героине сентиментального романа: кровь отлила от лица, вообще от головы, обмякшие ноги с трудом удерживали тело, норовили подкопиться и уронить свою хозяйку на траву. Лоб покрылся холодной испариной, все звуки доносились откуда-то издалека, приглушенные и искаженные, – обращенных к ней слов мама не понимала...

Папа слабонервностью не страдал – его проняло чуть позже, когда он отправился осмотреть указанное сыном место находки... В коротком перерыве между желудочными конвульсиями папе пришла в голову совершенно несвоевременная мысль, что пикник безнадежно испорчен и любовно замаринованные шашлыки теперь пропадут – защитная реакция мозга, пытающегося хоть как-то и чем-то отгородиться от увиденного...

Тот же день, раннее утро.

Из автобуса Ботву все-таки высадили. Он долго игнорировал громогласные предложения толстой кондукторши всем вошедшим оплачивать проезд и потом, когда она добралась до задней площадки и обращалась уже лично к нему, пытался прикинуться совсем полным идиотом, не понимающим, чего от него хотят. Иногда такое срабатывало – отставали, понося проклятых бомжей, расплодившихся до полного неприличия и вконец потерявших совесть.

Но чертова баба оказалась на редкость вредная и настырная, тут же наябедничала водителю – тот остановил автобус между остановками и недвусмысленно раскрыл заднюю дверь.

Ботва не реагировал, крепко вцепившись двумя руками в поручень. Зловредная кондукторша возвала к пассажирам: он же всех вас задерживает, пока не выйдет – никуда не поедет. Тоже не конец истории, тоже можно поиграть – кто кого переупрямит, чаще пассажиры применять силу не спешат, сидят, уткнувшись в окно или книжку... Но сегодня, как на грех, случился в салоне какой-то плечистый придурок в рабочей спецовке, и до вынужденной остановки весьма нервно поглядывавший на часы.

Он просто подошел к Ботве и без слов показал рукой на дверь, сложив пальцы другой в огромный кулак. Ботва, обладавший незаурядной способностью предчувствовать грядущее битие, понял, что у него есть буквально несколько секунд, – и напуганным земляным червем выскользнул из автобуса.

До поворота на Войковицы – цели его путешествия – оставалось не больше трех километров, и он бодро зашагал по дороге. Сегодня урожай будет обильным, не то что на прошлой, дождливой неделе... Сегодня Ботва будет при деньгах и проставит Гороховне (когда-то давно, в иной жизни, – Изотте Генриховне, преподавателю французского языка) давно обещанную «Льдинку». И они... хе-хе... Черные пеньки зубов Ботвы оскалились в похабной усмешке.

Небольшое живописное озеро совсем недалеко от шоссе, и от Гатчины рукой подать (да и от Питера путь не дальний), берега причудливо изрезанны бухточками и заливчиками, несколько маленьких островков; и неглубоко, метра полтора самое большее, утонуть трудно, да и вода чистая, до самого дна прозрачная – неудивительно, что здесь любимое место для пикников богатеньких автовладельцев. (Богатенькими Ботва считал даже обладателей скромных «москвичей» и «жигуленков», разные бывают критерии богатства.) А у богатых свои причуды, они опустошенные пивные бутылки в багажник не складывают, норовят зашвырнуть в кусты или в озеро.

Бутылочное Эльдorado Ботва обнаружил прошлым летом и почти год был его единоличным владельцем: коллеги по промыслу на пикники как-то не выезжают, вообще от города предпочитают не удаляться... В конце нынешней весны повадились шастать по берегам две гнусного вида бомжихи – Ботва попытался их вытурить с законного места, но сучки отбивались яростно, вопя на всю округу и норовя полоснуть по лицу ядовитыми когтищами, а чем заканчиваются полученные от таких грязных тварей царапины, Ботва знал не понаслышке. Подхваченная на берегу толстенная палка позволила достигнуть перелома в битве народов, но поганые лахудры продолжали пиратствовать – теперь втихую, прячась.

Впрочем, у Ботвы был свой секрет, свое ноу-хау, позволявшее легко обходить незваных конкурентов, – он пожинал урожай не только по берегам. Припрятанное в кустах на дальнем берегу плавсредство из двух кое-как скрепленных шпал позволяло собирать плавающие по воде бутылки и даже утонувшие, хорошо видные на светлом глинистом дне – для такого случая Ботва приспособил некое подобие сачка.

...Первым делом он обшарил самое рублевое место – окрестности удобных подъездов к воде, где трава была изгажена следами колес и свежими кострищами. Добыча радовала, потяжелевший заплечный мешок приятно позвякивал. Траву и кустики Ботва раздвигал увесистой железной трубой – в любой момент был готов к встрече с проклятыми конкурентками. Теперь – прочесать берег до самой стоянки личной яхты. Здесь, в кустах, кучкуются немоторизованные любители выпивки на лоне природы. И улов тут пожиже, но кое-что попадает...

На этот раз не попалось ничего – лишь длиннорлая бутылка импортного обличья, явно для сдачи не годящаяся, и собачий хвост. Да-да, именно рыжий собачий хвост, совсем недавно расставшийся с законным владельцем, – хвост самого затрапезного, не породистого вида, с застарелыми репьями, намертво спутавшимися с шерстью. Хвост Ботва зашвырнул обратно в кусты, мельком подумав о странных развлечениях иных поддавших граждан, а бутылку держал в руке, размышляя, не прихватить ли ее с собой и заправить вечером разведенной «Льдинкой» в видах произведения впечатления на Гороховну. Как раз в тему пойдет, она баба интеллигентная, культурная, нажравшись стеклорезом или аптекой – ругается на ненаших языках (перемежая и редко попадающими в печать словами великого и могучего...). От таких размышлений Ботву отвлекли неясные звуки прямо по курсу, сопровождавшие некое трудно различимое сквозь кусты шевеление.

Он остановился, перехватив поудобнее трубу. Неужели опять те суки? То-то с этого краю все как метлой выметено... Но там были не суки, по крайней мере не в переносном смысле, в

доносящихся сквозь зелень звуках явственно прорезалось низкое рычание. Расплодились тут – Ботва злобно и сильно швырнул в кусты столь приглянувшуюся бутылку, враз забыв о грядущем светском рауте с Горо-ховной...

Дальнейшее напоминало плохо сделанный мультфильм старых времен, когда художников-аниматоров еще не заменили неумолимые компьютеры, а они, иные художники, от торопливости или просто лени не слишком тщательно прорисовывали все фазы движений, и экранное действие получалось рваное, с режущими глаз скачками-переходами.

Слов таких Ботва не знал, но именно так ему виделись следовавшие секунды: огромная, обросшая черной шерстью туша прыгает на него – над кустами, небывало длинным и высоким прыжком... Ботва ничего не успевает, да и никто бы не успел... но тварь сама нападается на выставленную вперед трубу – хрустко, с лету, мордой – и вместо своей цели – горла – врежется в живот Ботвы. Потом Ботва бежит напролом к воде, почему-то именно к воде, выпавшие кишки мешают, цепляются за ветви, но он мчится, ни на что не обращая внимания. Потом падает – поскользнувшись на осклизлом, окровавленном куске рыжей шкуры. Потом – сразу, без перехода – одна только, ничего больше он не видит – рвется к горлу, он прикрывается рукой... Потом состояние космической невесомости, рука – его рука! – растопыренные пальцы, запястье, часть предплечья – уплывает по воздуху, медленно поворачиваясь, рядом крохотными спутниками – красные шарики, вылетающие из ее разорванных вен и артерий... Потом – снова, неимоверно распаханная – во весь горизонт, во всю Вселенную – она сама и есть Вселенная, необъятная и готовая поглотить... Потом... Никакого потом для Ботвы не было.

Доклад Марченко – Чернорецкого (уцелевший фрагмент)

...в письменных древнерусских источниках полоцкий князь из династии Рюриковичей Всеслав Бречиславович (ум. в 1101 г.). Указания на ликантропию Всеслава встречаются в четырех относительно коррелированных документах [13, 17, 19, 29]. Генезис явления неизвестен, сообщения «Повести временных лет» (Лаврентьевский и Полоцко-Туровский варианты) позволяют предположить, что имел место случай спонтанно-наследственной ликантропии. Всеслав Бречиславович родился от связи своего отца Бречислава (сына Изяслава, внука Владимира Святого) с дочерью волхва-кудесника; вариант Радзивилловской летописи – «родился от волхования». При рождении имел на голове знак неуставленного характера – т. н. язвено (версия ак. Лихачева, вошедшая в классические комментарии, о том, что упоминаемое язвено было «сорочкой», т. е. остатками плодного пузыря, представляется малоубедительной). Именно наличием данного знака летописцы объясняли кровожадность Всеслава («немилостивъ есть на кровыпролитъ»).

Судя по ряду указаний, ликантропия князя кратковременно и спонтанно проявлялась в моменты реальной и серьезной опасности для жизни (побег после проигранной битвы при р. Немиге в 1067 г., побег от врагов из г. Белгорода в 1069 году и т. д.) и завершалась полной ремиссией (вариант 26). Описания происходившего неполны, но очень схожи: «в ночи рыскал волком», «скакнул лютым зверем» (т. е. также волком), снова «скакнул волком». Все указанные эпизоды имели место ночью и отличались неправдоподобно высокой скоростью передвижения. Если сообщение «Слова о полку Игореве» о проделанном Всеславом за одну ночь («до петухов») в образе волка пути между Киевом и Тьмутараканью (более 1000 км по прямой) доверия не заслуживает, то в «Поучении» кн. Владимира Мономаха приводится достаточно правдоподобный случай...

Глава II

Нет, где и как бы тебя ни швыряло по свету, умирать надо возвращаться в те места, где родился.

Как стронутый с лежки заяц, несется вроде беспорядочно вперед – и совсем пропадает из виду, только слабый голос гончей доносится издали, – но, заложив огромный круг, возвращается обратно и падает от меткого выстрела на родной полянке, разгребая подергивающимися ногами багровые и желтые листья. Или скорее как лососи, избороздившие все просторы огромного океана, возвращаются на исходе жизни к истокам крохотных родных речушек – то ползут брюхом по гальке, то взлетают стремительным прыжком над водопады – и умирают там, где родились...

Так или примерно так думал старик, хотя едва ли смог бы выразить словами эти образы, просто скупой бы сказал, что хочет повидать перед смертью Сибирь, – да не судьба, видно.

Хотя грех жаловаться, привык за десять лет к местам этим, привык и даже полюбил: полюбил старый деревянный дом, унаследованный от старшей сестры; полюбил и скромную здешнюю природу, отнюдь не поражающую размахом и величественностью пейзажей, буйством рек и бескрайностью тайги, – мирно журчащую Кузьминку, почти не видную летом сквозь зелень ольх и кустарников, невеликие осиновые рощи, таящиеся по укромным оврагам, и, конечно, старые парки – старые, заросшие, превратившиеся просто в леса, прорезанные аллеями, и позабывшие свое блестящее императорское прошлое: стук копыт, и звон шпор, и торопливые поцелуи под густыми кронами дубовой аллеи, и мнущийся под жадными руками шелк придворных платьев, и щелчки взводимых курков на скрытой от глаз утренней поляне, и негромкую команду: «Сходитесь!» – а может, и не позабывшие, может, грезящие блеском Империи в бесконечном сне полуразрушенных дворцов над затянутыми ряской прудами...

...И нехитрые крестьянские заботы полюбил старик – огород, сад, дрова к зиме, – хоть и непривычно было поначалу, после того как прожил всю жизнь на казенных квартирах и флотских пайках. Сказал бы кто лет двадцать назад, что будут у него и кролики, и куры, и даже корова, – не поверил бы, рассмеялся бы, как веселой шутке: корова? молоко? да нет, ребята, я из молочного только молочными железами интересуюсь...

Однако вот как все повернулось – прошло двадцать лет, и сейчас, этим теплым июньским вечером, он шел на выпас за Магдаленой – неизвестно, отчего четыре года назад покойной жене стукнуло в голову этакое коровье имечко... Да Бог с ним, с имечком, было бы полно вымечко – старик улыбнулся пришедшему в голову двустушию. Раньше, в прежней жизни, подобные стишки получались у него хлесткие и малоцензурные, принеся старику славу одного из первых хохмачей Тихоокеанского флота. Давно это было, ой как давно... Но старик не страдал ностальгией. Всю свою жизнь он прожил, не оглядываясь назад. Цель и способ ее достижения – и никаких ностальгии с рефлексиями.

Правда, какие уж теперь цели, на шестьдесят-то восьмом году... дальше чем на месяц вперед и загадывать не стоит...

...Он почти дошел – осталось подняться по склону, обогнуть заросли кустарника, отвязать Магдалену и...

Старик остановился. Коровы на лужайке не было.

Генерал аккуратно сложил пачку фотографий. Сомнений не оставалось, но все-таки он спросил:

– Ошибка исключена?

– Исключена, – подтвердил очевидное Капитан. Теперь, странное дело, когда потенциальная угроза превратилась в реальную, требующую ответных действий опасность, – он успо-

коился совершенно. Тянувшиеся больше месяца усиленные и подспудные поиски контейнера ничем не закончились, штамм сработал, и сработал самым поганым образом, поставив под удар все их дело, – но зато исчезла проклятая, изматывающая неизвестность. Ловля черной кошки в темной комнате закончилась. Начинается охота на смертельно опасного, но зримого и осязаемого противника.

Месяц командировок, месяц, когда отсыпаться приходилось в самолетах – он мотался по бескрайним просторам бывшего Союза (и Седой, и Руслан тоже), не зная и не предполагая, где может всплыть проклятый контейнер.

Череда окровавленных и растерзанных трупов слилась в один непрерывный кошмарный калейдоскоп.

Дальневосточный рыбак, задранный белогрудым медведем, считавшимся вроде относительно мирным и не хищным по сравнению со своими бурыми и белыми родственниками; алкаш из Усть-Кулома, скончавшийся под елочкой в обнимку с трехлитровой банкой бодяжного спирта и безбожно обгрызенный какими-то мелкими хищниками из породы кунных, – завершения экспертизы Капитан не стал дожидаться, улетел, как только лично убедился, что характерных укусов ликантропа на трупе нет; ребенок с выжранным уссурийским леопардом лицом – зрелище, заставившее пожалеть, что этих реликтовых тварей осталось на всю российскую тайгу около тридцати особей – Капитан предпочел бы ровное и круглое число ноль, невзирая на все лицемерные стоны «зеленых» экологов и прочих любителей животных, предпочитавших любить крупных хищников из своих безопасных и далеких от леса квартир, не стоявших над растерзанными детскими трупами и не беседовавших с их бившими в истерике матерями...

Каналы Генерала работали бесперебойно, сообщения поступали и поступали, Капитан раньше и представить не мог, сколько людей в стране погибает на клыках, на зубах, на рогах и бивнях диких животных. И сколько жертв на счету у зверей, числящихся вроде ручными и домашними. Очень много...

Но теперь все закончилось. И началось снова. Контейнер всплыл, и всплыл под самым носом. Два нападения, вернее, два зафиксированных нападения, другие растерзанные в глухих уголках люди могли числиться пропавшими без вести. Обе жертвы убиты и частично сожраны...

– Ну что же, приступим... – Генерал встал из-за стола, достал и развернул большую карту. Потом снял трубку и пригласил в кабинет Эскулапа.

Коровы на выпасе не было.

Он не стал изумленно ахать, или протирать глаза, или хвататься за голову, не стал вообще как-либо внешне реагировать. Крепче стиснул в руке небольшой ломик-фомку – им он забивал стальной костыль, к которому крепилась цепь...

Почему цепь – старик и сам не знал, вроде смутно вспоминалось, что на родине, в Сибири, привязывали скотину на длинные веревки... Или то были не коровы, а козы, а коров пасли стадом, без привязи, с пастухом и двумя подпасками? Он уже не помнил, но все местные жители пользовались длинными и относительно тонкими цепями...

Цепь, кстати, на месте осталась – лежала в сочной и яркой июньской траве, вытянувшись в ровную линию. И старик медленно пошел вдоль нее, словно надеясь, что на другом конце обнаружится Магдалена, прилеглая отдохнуть в какую-нибудь ямку, канавку, ложбинку и совершенно незаметная со стороны. Вот только нет никаких ложбинок на давно знакомом выпасе.

Точно! Трети цепи не хватает... Так ведь и не собрался заварить разошедшееся звено, не хотелось идти на поклон к Ваське-сварщику... понадеялся на русский авось и несколько витков толстой медной проволоки – вот она и торчит печальным обрывком из ставшего последним

звена. А старику искать неизвестно куда убредшую Магдалену по всей немалой пустоши, по всем ее лужайкам, овражкам и кустарникам – и хорошо, если до темноты управится...

Он управился до темноты. Отыскать Магдалену вообще никакого труда не составляло – достаточно оказалось пройти несколько десятков шагов по направлению, указанному вытянутым обрывком цепи, и протиснуться сквозь явственный свежий пролом в кустах... Корова нашлась там, сразу за проломом.

Точнее сказать, нашлось то, что от нее осталось.

– Сколько их? Не надо забивать мне голову предполагаемой плотностью популяции и гипотетической величиной ареала. Скажите попросту, Эскулап: сколько их?

– Не знаю. Слишком мала статистика. Надо подождать. Вот будет десять – пятнадцать эпизодов, достоверных эпизодов... при том, что неучтенных не останется... и я вам отвечу. Назову число голов в стае с вероятностью девяносто пять процентов.

Капитан вертел в руках паркеровскую ручку и боролся со жгучим желанием вогнать ее в глаз Эскулапа, явно над ними издевавшегося. Он зримо представил, как тот нелепо взмахнет рукой, безуспешно пытаясь заслониться, как острое золоченое перо проткнет веко, глазное яблоко и мягко войдет в мозг. И как задергается это ожиревшее тело, не понимающее, что уже мертво...

Возможно, Эскулап что-то прочитал на его лице, потому что сменил тон и сказал, почти оправдываясь:

– Никто вам сейчас точнее и не скажет, в мире нет ни одного специалиста по образу жизни обитающих на воле ликантропов. Ни одного! Все наблюдения в клетках мало чего стоят... И еще меньше стоят все слухи, сказки и легенды-страшилки. Черт возьми, мы даже не знаем, сколько ему нужно мяса для поддержания миофибрилл в сверхактивном состоянии и сколько длится активная фаза и когда наступает релаксация – в клетках они могут неделями пребывать в полуспячке, ничего не жрать и почти не двигаться... Здесь нужна работа серьезных зоологов и зоопсихологов, длительная, не на один год работа. А я специалист в биохимии, понимаете вы? Я могу попытаться объяснить, как мышцы оборотня умудряются расщеплять АТФ, получая при этом в три раза больше энергии, чем при аналогичном процессе у человека. Но понятия не имею, как, когда и каким способом тварь предпочитает набивать себе желудок...

– Придется расширить квалификацию, – твердо сказал Генерал. – Зоопсихологов нам в помощь в ближайшее время не ожидается. И не надо так уж приbedняться, Эскулап. В свое время вы просеяли груды информации о ликан-тропах, должен же остаться какой-то сухой остаток, то, чему можно доверять и на что можно опереться?

– Все источники твердят об одном и том же – наиболее близким аналогом поведения ликантропа является модус вивенди волка. Волка-людоеда, волка, почувствовавшего вкус к человечине. В принципе те данные, что у нас есть, в такую схему укладываются. Тогда стоит ожидать следующего: в ближайшие месяцы нападения на людей будут редкими и случайными, можно сказать, только на тех, кто сам полезет на клыки... Летом для всех хищников пищи хватает: птицы выводят птенцов, а звери – детенышей, и те, и другие добыча легкая; опять же скотину держат не в хлевах, выгоняют на день пастись... Первые две жертвы при таком раскладе можно считать достаточно случайными, они погибли, пока объект не научился добывать пищу наиболее оптимальными способами. А вот о том, что может начаться зимой, лучше не думать... Лучше пойти на любые меры и отловить их. Отловить до холодов.

Отловить... Приходилось, как же... Только за двух отловленных пришлось заплатить шестью жизнями – и это на затерянном в безлюдной лесотундре полигоне, где вокруг только свои... Причем у объектов кое-что уже изыали на нужды науки, и прыть была совсем не та. А ловить в густонаселенных местах полных Сил тварей (или все же одну?)... Хо-хо... К чертям науку вместе с ее нуждами и интересами. Будем убивать, и точка.

– Они станут держаться вместе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.